

Создайте социотехникум!
Творите Анархию!

Братья Гордины.

Союз Пяти Узнетенных—
Союз Рабочаго-Босяка, Жен-
щины, Узнетенной нацио-
нальности, Молодежи и лич-
ности.

МАНИФЕСТ
ПАНАНАРХИСТОВ.

МОСКВА

1918 г.

~~W 64~~
~~32~~

W 64
32

Зворите Анархію!

Братья Гордины.

17112

Союз Пяти Узнетенных—
Союз Рабочаго-Босяка, Жек-
щны, Узнетенной націо-
нальности, Молодежи и Лич-
ности.

МАНИФЕСТ АНАРХИСТОВ.

Изданіе Малаго Секретаріата
Сѣвернаго Областнаго Союза
Анархистов.

Основные начала пананархизма.

Пананархизм буквально означает всеанархизм, „пан“ по-гречески „все“.

Пананархизм это расширенный и членораздѣльный анархизм, который, помимо идеала безвластiя, собственно анархизма, включает в себѣ еще четыре идеала, а именно: коммунизм с его „все—всѣм!“ педизм или освобожденiе ребенка и молодежи из тисков рабскаго воспитанiя, космизм (націоналкосмополитизм), полное освобожденiе угнетенных національностей и, наконец, *генiантропизм*, т. е. освобожденiе и очеловѣченiе женщины. Всѣ эти пять идеалов, вмѣстѣ взятых, обозначаются общим названiем: „пананархизм“.

Пананархизм означает синтез (соединенiе) всѣх главных социальных идеалов, актов (дѣйствiй) и устремленiй к коренному перевороту и перестрою *всего* общества: и хозяйства, и семьи, и школы, интернациональных и международных отношенiй, и института управления. В области хозяйства пананархизм означает замѣну капиталистическаго строя коммунистическим, отмѣну частной собственности на землю, орудiя производства и предметы потребления. В семьѣ—замѣну многоженства купли-продажи истинным единоженством и единомужiем любви, равно как и замѣну современнаго господства мужа в семьѣ (андриархата) и господства мужчины в жизни (андрократiи), юридическаго и фактическаго главенствованiя мужчины,—одинаковым равным с женщиной добровольным участiем женщины во всѣх отраслях труда и творчества, как и одинаковым пользованiем всѣми благами общества. В школѣ—замѣну современнаго книжнаго воспитанiя с его внушенiем религиозных и научных предрассудков дѣтям и молодежи практическим приспособленiем их к жизни, обучая их чисто-практически необходимым для жизни техническим искусствам и предоставляя им полнѣйшую свободу самоопредѣляться, право на самобытное творчество, на самостоятельность мысли и оригинальность мировоззрѣнiя. В институтѣ управления, по отношенiю к національности: замѣну современнаго территориальнаго строя с его государственными границами, отечествами, с его правом національно-частной собственности на территорию, націонал-космополитическим порядком, при котором нѣтъ ни отечеств, ни границ, а есть лишь всемирные свободные союзы одинаково свободных нацiй, которым всѣм им вмѣстѣ, коммунално, принадлежит весь земной шар. „Весь земной шар всему человѣчеству“—таков девиз пананархизма в противовѣс территориализму-империализму, который говорит: весь земной шар мнѣ, хищнической нацiи.

МОСКВА.

Типографiя Издательства „СЛОВО ИСТИНЫ“ Моховая, д. 28.

1918.

В институтъ организациі управления, по отношенію к личности, пананархизм означает уничтоженіе власти, государства, всякаго принудительнаго права, судов, тюрем, милицій и проч. и проч., и управленіе обществом путем добровольнаго соглашенія или совѣщательно.

Пананархизм это идеалъ союза пяти угнетенных. Он зовет к единенію и сплоченію всѣх угнетенных, к сооруженію всемірнаго об'единенія всѣх угнетенных, интернаціонала угнетенных, или *всемірнаго союза* пяти угнетенных, для легчайшаго разрушенія существующаго строя, который зиждется на пяти видах угнетенія.

Пананархизм всячески поощряет и берет на себя инициативу об'единенія угнетенных, каждаго из пяти угнетенных коллективов современнаго общества: как то интернаціонала работников-босяков, интернаціонала молодежи, интернаціонала угнетенных національностей, (итерриторіаліата), интернаціонала женщин и интернаціонала развитых личностей, направляя эти пять интернаціоналов в сторону образованія одного общаго интернаціонала угнетенных, пананархическаго интернаціонала, всемірнаго союза пяти угнетенных, кладущаго в основу свою солидарность всѣх угнетенных и строящагося по принципу *равноцѣнности* всѣх угнетенных.

Пананархизм означает все-разрушеніе, разрушеніе всѣх пяти строев современнаго общества.

Пананархизм, таким образом, имѣет цѣлью не освобожденіе одного угнетеннаго путем угнетенія других угнетенных, как, напримѣр, провозглашеніе диктатуры пролетаріата, а освобожденіе всѣх угнетенных, освобожденіе всего человѣчества, освобожденіе всѣх угнетенных коллективов.

Пананархизм освобождаетъ человѣчество и от рабства капитала, и от рабства власти, и от рабства образовательнаго воспитанія, и от рабства домашняго хозяйства, и от рабства отечеств.

Пананархизм уничтожаетъ всѣ пять видов угнетенія современнаго общества; и 1) экономическаго, и 2), 3) политическаго [а) индивидуально-политическаго и в) національно-политическаго], и 4) школьнаго, и 5) семейнаго.

Проще, пананархизм требует, чтоб не было ни бѣдных, ни богатых; чтоб не было ни повелителей, ни подчиненных; чтоб не было ни господствующих націй, ни угнетенных; чтоб не было ни поработочающих учителей, ни поработоченных учеников, и чтоб не было мужчин-господ и женщин-рабынь.

Всѣ эти желанія-требованія одинаково важны для пананархизма, ибо всякое возвеличеніе одного угнетеннаго над другими, даже в смыслѣ руководства и главенствованія, он клеймит как эксплуатацію других угнетенных, человѣчества, в пользу класса, группы.

Но пананархизм означает не только освобожденіе от *пяти видов угнетенія*, но к тому еще и освобожденіе угнетенных человѣчества от двух обманов: обмана религіи и обмана науки, которыя в сущности

являются лишь двумя разновидностями одного обмана, обмана угнетенных угнетателями.

Пананархизм гласит, что религія и наука были придуманы, как средство отвлеченія вниманія угнетенных от дѣйствительнаго, чувственнаго міра, давая или обѣщая им взамѣнъ него надчувственный мір: сверхъестественный (религія) или отвлеченный (наука).

Пананархизм рассматривает науку, как реформированную религію, и природу, как реформированнаго бога: наука есть религія буржуазіи, как религія была наукой помѣщичества и рабовладѣльцев.

Пананархизм провозглашает *вселенское безначаліе*, космическую анархію, анархію во всем!

Всѣ понятія религіи и науки не только буржуазно-угнетательски, не только таят в себѣ сѣти и тенета, удочки и подвохи для угнетенных—они и лживы, варварски-глупы, ограничены, наивны и комичны, противорѣчивы и эклектичны.

Наука есть одно недомысліе европейскаго дикаря, как религія недомысліе азиатскаго дикаря. Обѣ—один клубокъ противорѣчій и путаницы: бог и не-бог, причина и не-причина; бог реальный строитель и бог строящій из „ничего“, значит уж сам „ничто“, абсолют, не-бог; причина доводится до первопричины, значит уж самопричина, не-причина.

Бог и Природа человѣкообразны (антропоморфичны). Эскимос создает их по охотѣ своей на бѣлаго медвѣдя (мір произошел из бѣлаго медвѣдя), іудеи—по своим ремеслам (бог столяр, плотник); Ньютон—Кант—Лаплас создают Природу по европейской механикѣ, Дарвин и Спенсер—по англійским коннозаводам (естественный и половой подбор по образію и подобію искусственнаго подбора англійскаго коннозаводства).

Царство небесное и царство природы, ангелы, духи, черти, молекулы, атомы, эфир, Законы-Бога-Неба и Законы Природы, силы, воздѣйствіе одного тѣла на другое—все это вымышлено, создано обществообразно (соціоморфично).

Бог это образъ абсолютнаго монарха Азіи; законы небесные, законы звѣзд, астрологія Ассиріи и Вавилоніи, это законы царскіе; законы природы это законы государственные, воздѣйствіе это признужденіе. Природа и силы это образ и подобіе европейских конституціонных монархов и конституціонной бюрократіи; иногда Природа являет и подобіе президента демократической республики.

Пананархизм-же учит, что вселенная не человѣкъ и не общество, а потому не имѣет ни начала, ни конца, ни происхожденія (космогоніи), ни причин, ни законов, ни кнотов-воздѣйствій.

Вселенная, каждое явленіе, всегда „в себѣ“, анархически-индивидуально или анархически-коммунально, выражаясь образно; вселенная самопричинна, всякое явленіе всегда самопричинно.

Во вселенной, и в каждом явлении, нѣтъ никакого внѣшняго, навязываемаго принудительнаго порядка, а *анархія*, т. е. внутренній (имманентный) порядок, самостный и самопричинный. Нѣтъ никакого воздѣйствія, а есть дѣйствіе, или свойство, а свойство и вещь и дѣйствіе тождественны.

Пананархизм, находя корень ошибки религіи и науки в том, что первая является *плодом фантазіи*, а вторая *плодом интеллекта* (умственнаго воображенія, т. е. отвлеченія), считает и объявляет истинными лишь чувства, вѣрнѣе, мускулы, и технику.

Культурой народа, культурой Трудящихся, культурой Угнетенных пананархизм считает лишь технику, в широком смыслѣ этого слова, включая сюда всѣ ремесла, всѣ полезныя искусства и проч., и нарекая ее Пантехникой (всестехникой).

По отношенію же к обществопониманію, Пананархизм отрицает всѣ законы социологіи, социальную природу и социальную эволюцію (развитіе), ставя вмѣсто них *соціотехнику*, общестроительство, с ея провозглашеніем права на социальное изобрѣтеніе, социальный эксперимент и социальную попытку.

Пананархизм, покрывающійся техникализмом, означает, таким образом, не только все-анархія (безначаліе) и вездѣ-анархія, но и сейчас-анархія; вмѣсто социалдемократической эволюціи и реформы получается лозунг Соціальной революціи, подтверждается золотое анархическое правило: Прямо к цѣли!

Итак—

Да здравствует Пананархія!

Соціотехника.

Социально-философская предпосылка Союза Пяти Угнетенных это принцип соціотехники.

Соціотехника знаменует собою низверженіе кумира и упраздненіе культа социальной природы, социального фетишизма.

Соціотехника означает безконечную и неисчерпаемую свободу социального творчества, безграничную и неисчерпаемую возможность всякаго рода переворотов, безграничную и неисчерпаемую возможность преобразования и пересозданія общества, безконечное и неисчерпаемое разнообразіе форм социального строительства.

Соціотехника провозглашает необходимость *соціотехническаго* отношенія к социальным вопросам, иными словами, необходимость допущенія такого же свободно строительнаго и перестроительнаго, такого же свободно-изобрѣтательнаго отношенія к социальной природѣ, какаго человечество, благодаря цивилизаціи, добилось по отношенію к физической средѣ, считавшагося, впрочем, запретнымъ, бого-природо-хулительным в сѣдую старину.

Соціотехническій взгляд и требует огражденія соціотехников, т. е. социальных строителей и изобрѣтателей, как от преслѣдованія со стороны власти имущих, так и со стороны общественнаго мнѣнія.

Соціотехническая точка зрѣнія утверждает, что, в сущности и по болѣе глубокому и вполнѣ цивилизованному обществопониманію, клеймящему старое обществопониманіе, с его культом социальной природы, варварством, всякія социальныя изобрѣтенія должны поощряться, аналогично всякому другому техническому прогрессу, и оцѣниваться именно как раз по мѣрѣ их *переворотности*, т. е. по их революціонному, перестроительному эффекту: чѣм сильнѣе эффект, тѣм выше цѣнность даннаго изобрѣтенія или плана. Страх перед радикализмом есть, с точки зрѣнія соціотехники, лишь пережиток социального фетишизма. Равным образом всѣ эти ученія о социальной эволюціи, об естественных исторических процессах, нарушеніе которых якобы недопустимо, должны разсматриваться как мировоззрѣніе угнетателей, болѣе того, как духовное орудіе угнетанія, точнѣе, орудіе закрѣпленія и оправданія угнетенія. Это идеологія, созданная угнетателями в цѣлях упроченія своего господства и запугиванія дерзновенных Угнетенных. И нужно отдать справедливость зловымышляющему генію угнетателей: ловко размалеванное чучело социальной природы держит в страхѣ не одних только глухих воробьев, а—увы!—и многих неустрашимых Сорцов!

С душевной болью приходится констатировать, что эта ложная наука, это дьявольское орудіе угнетенія, возымѣло большой успѣх, болѣе отодвинуло и отодвигает Угнетенных от достиженія своих идеалов, чѣм всѣ тѣ провокаціи, все то сѣяніе розни между Угнетенными или затѣваніе братоубійственныхъ войн, при которых одни Угнетенные убивают других Угнетенных, чѣм всѣ тѣ безлонныя злодѣйства, с помощью которых угнетатели утверждают свое царство угнетенія, свое царство дьявола на землѣ.

Со скорбью приходится констатировать, что один из Угнетенных, бывший пока наиболѣе активным и наиболѣе сознательным среди них, а именно рабочій класс, почти всецѣло подпал под влияніе этой угнетательской идеологіи „естественныхъ процессов“ и, таким образом, стал глупой игрушкой в руках угнетателей—одураченный и обезвреженный.

Что не удалось добиться висѣльницами, каторгой, тюрьмами и т. д., легко, невыразимо легко достигается этим безбожным обманом, достигается *наукой угнетателей*, ловким шарлатанством продажных, или бессознательно слѣпо играющих на руку угнетателей, наивных ученых, словом, пресловутым лжеученіем об естественном процессѣ.

Но пусть узнают друзья рабочаго класса, пусть пройдет ослѣпленіе угнетательской идеологіей, пусть узрят весь ужас обмана: лжеученіем об естественном процессѣ, тѣм болѣе, преступным ученіем о ненарушимости и неприкосновенности естественнаго процесса, идеал

рабочаго класса снят с очереди дня и похоронен в могилу научной фразеологии (по философиі пантехникализма: стал предметом искусства умности), самое лучшее, выродился в научное мессіанство, в что-то никогда недостижимое, болѣе того, достиженіе чего вовсе не обязательно.

Так религія обманула Угнетенных в первый раз, обманула своимъ религіознымъ мессіанствомъ, направляя взоры Угнетенных в какую то необозримую даль, в какую то заоблачность небес и времен и отвлекающая, и их дух разрушенія, и их дух созиданія, от реального мессіанства т. е. от социотехники, от настоящаго обществостроительства, ибо социотехника не говорит и фантазирует о мессіи, а творит Мессію, строит Мессію, ибо царство Божіе издавна уже могло бы быть на землѣ, если бы мы могли, желали и умѣли ее устроить.

Так наука обманула и обманывает Угнетенных во второй раз, обманывает своимъ научнымъ мессіанствомъ, которое также, как религіозное мессіанство, сыгрывает свою злую шутку, одурманывая и удерживая угнетенное человечество от реального претворенія своего идеала в дѣло, от реального уничтоженія зла, уничтоженія угнетенія.

Итак, не естественные процессы, идеология угнетателей, и не историческіе идеалы, ловко придуманные угнетательской наукой громотводы, отводы социальной революціи, наше философское credo, а—социотехнический идеал, идеал, который может сію минуту быть осуществленным. Реализація нашего идеала зависит лишь от нашего *умѣнія*, от нашей *изобрѣтательности*.

Таковъ взглядъ физотехника (физическаго техника): покореніе воздуха, напр., не глупый историческій идеал, а вопрос нашей изобрѣтательности. Работайте, стройте, пробуйте, творите, и чѣм больше, тѣм лучше. Если сумѣете, то оно будет завтра.

Таковъ и взглядъ социотехника, социального строителя, истиннаго революціонера. Не говорите о социальных революціях, а дѣлайте их, не мечтайте о них, а творите их!

Социальная революція (а нам еще нужно нѣсколько социальных революцій, вѣрнѣе, одна пансоциальная революція) не за религіозными и научными горами, а за плечами социотехники.

Но развѣ „социальная революція“ сейчас возможна?

Конечно, возможна. Все возможно—говорит социотехника,—требуется лишь изобрѣтательность. Провозглашайте право социотехника, право на социальное изобрѣтеніе, право социального творчества, право изобрѣтать и право примѣненія этихъ изобрѣтеній, давайте полнѣйшую свободу претворенія социальныхъ изобрѣтеній в дѣло, въ жизнь. *Устраивайте социотехническіе лаборатории, социотехническіе институты, социотехническія колоніи и т. д.* Давайте ходу социотехническому генію, давайте ему простору, оказывайте ему поддержку, не опутывайте его ложной угнетательской религіей и ложной угнетательской наукой, не тормозите его религіознымъ и научнымъ мессіанствомъ

не губите его вашимъ идолопоклонствомъ, вашими божками и кумирами: Духи, Бог, Природа, Законообразность, Эволюція, Историческій процесс и т. д.,—покончите со всѣми чудищами-иллюзіями человеческой фантазіи и интеллекта, и воцарите одну, чистую от всякихъ химер фантазіи и интеллекта, социотехнику—и вы увидите какъ социальные революціи посыплются у вас, какъ из рога изобилія. Социальные революціи пойдутъ быстрѣе, чѣмъ сейчасъ физическія революціи, а физическія, в свою очередь, ускорятся, окрылятся, освобождаясь отъ научной магіи, отъ путъ ложной науки, и такъ только, и тогда только человекъ станетъ настоящимъ господиномъ своего положенія. Ибо бог и природа это кумиръ угнетателей, а культъ Человека это культъ Угнетенных: пантехника (всетехника, техника, регулирующая все и ни чѣмъ не регулируемая, т. е. не нормированная ни религіей, ни наукой) это идеология угнетенных.

Итак, социотехника, какъ вѣтвь пантехники, провозглашаетъ полнѣйшую свободу пересозданія, ничѣмъ несѣсенный размах и ничѣмъ неограниченное разнообразіе формъ социального строительства,—безконечная возможность, всемогущество социального творчества.

Но одна возможность пересозданія недостаточна. Для того, чтобъ *возможное* пересозданія перешло в *дѣйствительное*, требуется еще желаніе и, главнымъ образомъ, желаніе пересоздать, воля к социотехническому творчеству. Только возможность в связи с желательностью двигаетъ впередъ социотехнику. Безъ желанія возможное не превратилось бы в дѣйствительное и, с другой стороны, только нежеланіе создало лжеученіе о невозможности (о неприкосновенности социальной природы), идеологию угнетателей, которой мы противопоставляемъ идеологию Угнетенных, ученіе об абсолютной извѣчной внѣшней природо-объективной *все-возможности*, ограниченной лишь нашей человеко-субъективной невозможностью или маловозможностью, то есть нашимъ техническимъ *пока еще* неумѣніемъ и нашимъ нежеланіемъ. Желаніе есть, такимъ образомъ, главное предварительное условіе техническаго умѣнія. Другими словами, *недовольство* существующимъ есть основной двигатель техническаго прогресса, ибо всякій техническій прогрессъ базируется на возможности и желательности изобрѣтенія, на возможности и желательности усовершенствованія.

Все существующее и неразумно и нежелательно. Все требуетъ улучшенія, усовершенствованія. Все требуетъ кореннаго переустройства кореннаго перекраиванія, кореннаго пересозданія. Этимъ девизомъ родилась техника на зарѣ цивилизаціи, этотъ девизъ она проводитъ в жизнь на всемъ протяженіи человеческой исторіи, несмотря на всѣ старанія и попытки помраченія ея революціонизма со стороны угнетательской науки; это міровоззрѣніе, міромышленіе и мірочувствованіе, вѣрнѣе, міропреобразование каждаго великаго техника, каждаго великаго изобрѣтателя. Это, в сущности, и есть идеология, міровоззрѣніе и

мірочаяніе Угнетенных, идеологія будущаго Человѣчества, будущаго Человѣка, Человѣка-Творца, будущей свободной Личности.

Итак, недовольство физическим существующим, так сказать, существующеульство есть основной двигатель технического прогресса. Отсюда слѣдует: недовольство социальным существующим есть основной двигатель социотехнического прогресса.

А это и выдвигает на авансцену исторіи угнетенных, этих недовольных коллективов.

В современном обществѣ существует пять видов угнетенія,—основной тезис Союза Пяти Угнетенных. Пять угнетеній порождают пять *недовольств*. А эти пять недовольств, часть которых уже выявилась, а часть которых находится в процессѣ выявленія, и суть пять двигателей социотехнического прогресса. Ибо только недовольство угнетенных, являющееся главным побужденіем к социотехническому творчеству, ведет к усовершенствованію старых социальных форм и к изобрѣтенію новых, на нашем языкѣ, к социотехническому усовершенствованію, называемому вульгарным языком эволюціей, и к социотехническому, изобрѣтенію, называемому вульгарным языком революціей.

С точки зрѣнія социотехники, дѣйствительной Великой Революціей является не столько момент, когда массы маршируют по улицам с красными знаменами, сколько момент, когда социотехник дѣлает социальное изобрѣтеніе, когда изобрѣтается та форма социальности, проведение в жизнь которой (т. е. примѣненіе и эксплуатация этого социального изобрѣтенія) обыкновенно называется „революціей“. Но как бы то ни было одно ясно: оба момента, и момент изобрѣтенія, и момент примѣненія, черпают свою побудительную силу в одном—в недовольствѣ существующим, в недовольствѣ Угнетенных угнетательскими порядками-непорядками.

А отсюда слѣдует категорическій императив новой морали, морали Угнетенных:

Будь недовольным! Не мирись! Не успокойся!

Недовольство Угнетенных есть их величайшая добродѣтель, ибо эгоизм Угнетенных есть величайшій альтруизм. Их недовольство готовит Человѣчеству лучшія, высшія, болѣе усовершенствованныя формы существованія.

Стушевывать и сглаживать—это мораль угнетателей; проповѣдывать отреченіе Угнетенным—дѣло угнетательской религіи и угнетательской науки, но отреченіе Угнетенных от своих интересов есть преступленіе перед Человѣчеством, не только перед самими собою.

Раскрывать и обнажать, раскрывать гнойники, обнаруживать противорѣчія и проповѣдывать отреченіе угнетателям, отреченіе от угнетательских интересов—вот новая мораль, истинная мораль, мораль Угнетенных, которая есть мораль Человѣчества. Она и есть мораль социотехническая (эготехника), измѣняющая, перестраивающая, изобрѣтающая болѣе моральные формы. Не мораль проповѣди, а дѣла. Словом, недовольство это мораль Угнетенных.

А упятеренное недовольство это наш девиз, девиз Союза Пяти. **Будь упятеренным недовольным!** говорит мораль Союза Пяти.

Недовольство двигает вперед социотехнику. Упятеренное недовольство упятерит скорость социотехнического темпа.

Союз Пяти Угнетенных, таким образом, и слагает и пятерит: слагает существующих пять недовольств отдѣльных Угнетенных и пятерит их, повелѣвая каждому из угнетенных стать впятеро болѣе недовольным, *быть упятеренным недовольным, упятеренным революционером*.

Слагательная задача Союза Пяти состоит, слѣдовательно в том, чтобы использовать пять особых сил, дѣйствующих сейчас врозь и даже иногда, по ограниченности своей, наперекор друг другу, для составленія из них одной системы сил, долженствующей обязательно усилить социотехнический эффект. Это означает сложеніе-блокированіе пяти недовольных коллективов: Рабочих-Босяков, Женщин, Итерриториаліев (Угнетенных Национальностей), Учащейся Молодежи и Развитых Личностей.

Множительный-же призыв обращается, хотя и к этим коллективам, но, главным образом, к индивидам. Это призыв к упятеренной революціонности, к упятеренной дѣятельности, к упятеренной социотехнической изобрѣтательности, к упятеренному разрушенію и упятеренному созданію.

Ты, будь впятеро недовольнѣе!

Пананархизм как платформа Союза Пяти Угнетенных.

Если говорить болѣе политическим языком и желать все политическое выразить так же ясно, так же однословно, как вся наша социальнo-философская точка зрѣнія схвачена словом, „Социотехника“, то, пожалуй, не окажется болѣе подходящаго для этого слова, как *пананархизм*. Мы потому и скажем:

Платформа Союза Пяти Угнетенных—это пананархизм.

Но что означает пананархизм?

Пананархизм означает стремленіе к коренному переустройству *всего* общества на новых, болѣе усовершенствованных началах или, точнѣе, на началах, долженствующих считаться пока социотехнически идеальными, т. е. представляющих предѣл нашей желательности и представляемой нами пока социотехникой возможности.

Но чѣм именно пананархизм отличается от социализма вообще? Пананархизм отличается от социализма прежде всего своим подчеркиваніем *всего*. Пананархизм, в отличіе от социализма, стремится к коренному переустройству *всего* общества—вот ясная и отчетливая формулировка его, формулировка, не допускающая никаких недомол

вок и недодумок. Соціалізм же, обыкновенно, или отождествляется и ограничивается одним коллективизмом или коммунизмом, т. е. рѣшеніем одного рабочаго вопроса, или же, в самом лучшем случаѣ, оставляет *все прочее* на произвол безформенности, неопредѣленности и неформулированности, объявляя его или чѣм-то безразличным или же чѣм-то результирующим.

Пананархизм клеймит это безразличное или покровительственное отношеніе ко *всему*, ко всѣм другим угнетенным, со стороны коллективизма или коммунизма, со стороны рабочаго, предосудительным классовым эгоизмом, ставящим вмѣсто стараго варварскаго избранничества одного какого-нибудь народа новое избранничество одного рабочаго класса, идеологія вредная общим интересам всѣх угнетенных, слѣдовательно, и интересам человечества, и, в конечном счетѣ, вредная интересам самого рабочаго класса, в виду солидарности интересов всѣх угнетенных.

Пананархизм, таким образом, возстае против этого, так сказать, абсолютизма коллективизма, против постыднаго намѣренія использовать всѣх других угнетенных для цѣлей класса.

Но пананархизм отнюдь не намѣрен умалять заслуги, роль и призваніе рабочаго класса, он нисколько не пытается оспаривать истиннѣ заслуженное избранничество рабочаго класса, он его лишь *локализирует*, ограничивая сферу его компетенціи лишь экономикой и к тому всегда подчеркивает, что ровно так же, ровно такую же избранническую роль, он, т. е. пананархизм, признает за каждым из четырех остальных угнетенных, за каждым из них, но исключительно в сферѣ его угнетенности. Каждый из них не только избранник нужды и горя, избранник угнетенія, но и избранник будущаго веселья, избранник радости перестроенія. Так Женщина призвана раньше или позже преобразовать семью, Молодежь—преобразовать школу, Иттериториалій (Угнет. Нація) и Личность—преобразовать государство и интернаціональныя отношенія.

Существует, таким образом, не один двигатель прогресса, а пять. Мы уже сказали, что в современном обществѣ существует пять недовольных, а эти пять недовольных, пять угнетенных, они и двигают соціотехническим прогрессом.

Но на мѣсто единичнаго избранничества, т. е. носительства идеала и двигательства прогрессом, каждаго из угнетенных, каждаго в своей области, можно, обобщая их, поставить избранничество, призванность всѣх угнетенных, призванность их к преобразованію *всего* общества. Правда, *Угнетенный* лишь призван преобразовать сферу своего угнетенія, но *Угнетенные*, взятые вмѣстѣ, уж призваны преобразовать все общество. А если так, то и каждый угнетенный, поднимаясь и дорастая, на основаніи солидарности интересов всѣх угнетенных, до пананархизма, до точки зрѣнія всѣх угнетенных, до общаго идеала уничтоженія всѣх пяти видов угнетенія и исходя из него, уж субли-

мировал свое классовое избранничество до человечественнаго избранничества, являясь уж не носителем прогресса одной области, а прогресса всего общества вообще. И процесс этот, в сущности, весьма прост: являясь недовольным в какой-либо одной области общественной, он мало-по-малу переносит свое недовольство и на всѣ остальные стороны соціальной жизни, пока он не становится общим *орудіем* соціотехническаго прогресса. Так этот процесс все равно совершается, но как бы самим собою, т. е. сравнительно безсознательно. Внося же сознание в этот несознательный процесс, мы вмѣсто *смутнаго недовольства* всѣм, вмѣсто этого, так сказать, соціального нутья и ворчливости, ставим наш ясный и кристаллизованный, опредѣленно сформулированный пяти-идеал (пентаидеал). Слѣбое общее недовольство также, правда, имѣет тенденцію распространиться на все, но оно сохраняет характер эгоистическаго классоваго субъективизма, размаскивая всѣ остальные виды угнетенія, как подчиненные, и только с точки зрѣнія своего вида угнетенія.

Эта низкая грубая точка зрѣнія, которую можно назвать гегемоніей одного вида угнетенія, абсолютизма одного идеала, прекрасно представлена соціал-демократіей и „коммунистами“, заблужденія которых не менѣе велики, чѣм их заслуги.

Пананархизм-же признает и провозглашает, наряду с *солидарностью* интересов всѣх угнетенных, и равноцѣнность всѣх угнетенных, равно как и *равноцѣнность* их пяти-идеалов, синтезированных вмѣстѣ в пананархизмѣ, означаящем одинаковое стремленіе к полному упраздненію всѣх пяти видов угнетенія современнаго общества, к полному упраздненію зла всѣх пяти сторон нашей жизни: и экономическаго, и семейнаго, и національно-государственнаго, и воспитательнаго, и индивидуально-государственнаго.

Остановимся, однако, еще болѣе подробно и отчетливо, на подчеркиваніи этого всего, так сказать, на „панизмѣ“ пананархизма, давая ему в дальнѣйшем и болѣе конкретную и болѣе точную формулировку.

Пананархизм, буквально означающій „всеанархизм“, являя собою идеологію всѣх угнетенных, а не гегемонію одного из них, стремится не к упраздненію одного какого-либо зла, чувствительнаго для одного угнетеннаго, т. е. для одного коллектива угнетенных, а к уничтоженію всѣх зол современнаго общества. Таких главных основных зол существует, по взглядам пананархизма, пять. Это *пять* неурядиц пяти строев нашей общественной жизни, олицетворенных в *5-и его институтах*: в хозяйствѣ, семьѣ, школѣ, государствѣ, и так называемой междундродной политикѣ.

Из них чуть ли не болѣе важным является государство, ибо государство, по природѣ и функціи своей, есть организатор и регулятор всего остальнаго, всей общественной жизни, и оно будучи несовершенным тормозит все. Мы и видим потому, что пока вспыхнувшія революціи были, главным образом, не соціальными, т. е. не хо-

зяйственными, и не семейными, и не школьными, а политическими, т. е. реформирующими государственный строй. Этим и объясняется тот факт, что некоторые социотехники (социальные реформаторы и изобретатели), а именно авторы-творцы анархических социотехнических изобретений-планов, рассматривают переустройство государства, как панацею против всех зол. Но и этот государственный монизм, полито-монизм является такой же неправильностью, как и пресловутый хозяйственный монизм, экономо-монизм (так называемый исторической материализм), предполагающий, в ограниченности своей, разрывать все, разрубить все узлы пересечением *экономического узла*. С таким же правом монист-педагог, вроде Песталоцци, усматривал в своей реформе воспитательного строя (кстати уж всеми теперь признана неудовлетворительной, и с точки зрения одной педагогики) панацею против всех зол, и одним упорядочением воспитания намывался закрыть источник беды-нищеты (*die Quelle des Elends zu stopfen*), словом, решить вопрос труда вопросом воспитания.

Современная человеческая мысль, к счастью, переросла эту стадию наивности, по отношению к вопросу труда. Мало окажется сейчас наивных фанатиков воспитания, мечтающих разрешить рабочий вопрос ученическим вопросом, т. е. вопрос труда вопросом воспитания. Но зато появилось множество слепцов-монистов, экономо-монистов, не менее наивных фанатиков, мечтающих о разрешении вопроса воспитания вопросом труда. Но для серьезно мыслящих экономо-монизм такая же несостоятельность, как упомянутый педагого-монизм. Правда, существует взаимоотношение, взаимосоприкосновение и взаимовоздействие между отдельными областями нашей жизни, и, улучшая одну из них, мы тем самым косвенным путем уж улучшаем или подготовляем лучшую почву для проведения улучшений и в других отраслях, на чем и основывается фактическая солидарность интересов всех угнетенных, гласящей: заинтересованный в коренном преобразовании одной из областей нашей общественности в сущности и заинтересован, если не в коренном, то в некотором преобразовании и других областей,—тем не менее области сохраняют свою самостоятельность и кто желает коренного переустройства всех их не должен и удовольствоваться общими фразами о желательности улучшения-пересоздания всего общества, а выступать с конкретными планами-требованиями, формулированными для каждой из них в отдельности и исходя из каждой из них в отдельности, из глубины особенностей каждой отрасли, а лишь обобщенными и синтезированными наверху в одно целое. Что области самостоятельны показывает нам наглядно хоть бы тот примёр, что как абсурдно предположить, что урегулированием ученического дня, установлением занятий в школах только до 2 или 3-х часов (ибо существуют варварские школы у отсталых народов, где ученики учатся круглый день), мы урегулировали рабочий день, так и не менее абсурдно допустить, что урегулированием рабочего

дня урегулируется ученический день. Тем не менее экономо-монизм это молчаливо утверждает. Но это очевидная нелѣпость. Неужели, заведя 8-ми часовой рабочий день, самим собою уничтожится задание уроков на дом, эти „сверхурочные работы“, никак не допустимые с точки зрения истинной педагогики, ограждающей интересы молодежи и детства (не той, конечно, педагогики, жертвующей молодежью и детства ради удобства старших и учителей), или уничтожатся самим собою экзамены всякого рода, этот ученический кошмар, этот организованный разбой-убой, это педагогическое хулиганство, эта травля на молодежь, на молодость, на жизнь и мысль, развѣ исчезнут с лица земли все эти „до сих пор“ и „наизусть“!

Да! они исчезнут, это наследие варварства и докнигопечатания, исчезнут навсегда с лица педагогической земли, но лишь при первой всеобщей ученической забастовке, именно тогда, когда вѣчно-нѣмая Молодежь и Юношество заговорят о своих человеческих правах, возьмут свою собственную судьбу в свои собственные руки, соединяя и солидаризуя ее с судьбой всех остальных угнетенных, иными словами, когда молодежь станет такой же угрожающей и сознательной силой, стоящей на точке зрения борьбы за свои интересы, какой является сейчас только один организованный пролетариат, и ровно так же, как последний, т. е. пролетариат, сознает себя носителем социально-экономического идеала, она будет сознавать себя носителем социально-педагогического идеала.

Итак, явной нелѣпостью является это сведение всех видов угнетения к одному, к одному воспитательному или к одному хозяйственному или к тому подобному. Нѣтъ! только исследуя каждый вид угнетения в отдельности, как вид угнетения, имѣющей мѣсто в хозяйстве, так и те виды, реализующиеся в других отраслях: в воспитании (в школе), в семье, в отношениях между нациями, и в государствах, изучая как вид насилия, совершаемый одним классом над другим, так и те виды насилия, совершаемые одним полом (мужчинами) над другим (женщинами), или одним поколением старым (воспитателями) над другим подрастающим (воспитанниками), или же одной нацией господствующей (территориалистом) над другой, вѣрнее, над другими нациями (интерриториалистом) или же, наконец, государством, т. е. принудительным обществом над личностью,—только исследуя и изучая каждый вид в отдельности и противопоставляя каждому из них его противоположность, полное неугнетение, как идеал, и синтезируя все эти идеалы вмѣстѣ, только таким путем мы получаем этот *универсальный пананархический идеал*.

Социализм и пять угнетенных.

Социалист, право, благодушествует иногда и на счет молодежи, но по отношению к ней он, в самом лучшем случае, остается *либералом*, жалким реформатором, но не революционером.

Педагогическим либерализмом, педагогическим меньшевизмом страдают всё проектируемые реформы школы, не исключая и трудовой школы.

Не улучшение участи молодежи, а полное ея раскрѣпощеніе— вот задача анархизма. А освобожденіе молодежи из духовнаго рабства воспитанія возможно лишь при полном исключеніи религіи и науки из школы.

Но в социалистическую программу никогда не вошли такія крайнія педагогическія требованія, которыя, если говорить языком суевѣрнаго социализма, нужно было бы назвать „программой максимум“ молодежи; притом и тѣ мелкія реформы, поддерживаемыя или совершаемыя ими, дѣлаются не во имя защиты интересов угнетенных воспитаніем молодежи и дѣтства, а опять таки лишь во имя экономическаго монизма. Реформа в воспитаніи является для них лишь прилатком, послѣдней спицей в колесницѣ социализма. Она и носит потому извращенное экономо-монотическое названіе: „демократизація школы“, и представляет собою образчик жалкаго педагогическаго либерализма и демократизма. Но с точки зрѣнія молодежи и ребенка, первым дѣлом, требуется *педизація* школы, а не демократизація, которыя столько же далеки друг от друга, сколько анархизм от либерализма.

Этим-же либеральным благодушествованіем, которым маскируется духовная эксплуатація, эксплуатація чужого горя в видах агитаціи для исключительно своего классоваго или групповаго собственнаго идеала, проникнуто все отношеніе социал-демократіи и к женщинѣ. Женщина хорошій лакомый агитационный кусок. Такова женщина для Бебеля и даже для Клара Цеткина. Им на руку, на руку своей полемики с буржуазными идеологами, и публичная проституція, и домашняя проституція... Все это прекрасныя агитационныя средства. Но что дѣлает социал-демократія, вообще социализм, для освобожденія женщины? Снимает ли он на дѣлѣ бремя домашняго хозяйства и воспитанія с плеч женщины, создает ли он на дѣлѣ институты для социализаціи домашняго воспитанія и социализаціи домашняго хозяйства? Нѣтъ. Он либеральничает...

Но что уж говорить о либеральничаніи социалистов когда нам приходится краснѣть и за либерализм наших так называемых анархистов. Эти социалисты и анархисты проповѣдуют свободную любовь. Прекрасно! Но что такое свободная любовь для женщины при современном андріархатѣ. Это либерализм капиталиста. *Свободная любовь при андріархальном нашем строе—это свобода эксплуатаціи женщины, как свободная конкуренція это свобода эксплуатаціи рабочаго. Свободная конкуренція это ненасытный бог наживы буржуа, это маммона; а нынѣшняя свободная любовь это ненасытный бог разврата мужчины. Свободная любовь при отсутствіи Женских Союзов, при совершенной бессознательности и беспомощности женщины, означает свобода высосать ее и бросать вон, как шелуху. Что за свобода, когда мужчина-сластолюбец, лизун, кот, может натѣшиться, сколько душѣ угодно,*

снимая с себя всякую отвѣтственность и обязанность, вваливая все бремя вскармливанія и воспитанія ребенка на женщину, уж не говоря о страданіях и опасностях, которыя для женщины связаны с любовью! Мало ей платиться кровью и, нерѣдко, жизнью, она должна еще быть брошенной совершенно на произвол судьбы, тяготиться одна всѣми послѣдствіями, и если, наконец, избѣгнет смерти, то нести тяжелый крест кормленія и воспитанія на себѣ.

Женщина—страдалец, обиженная даже природой, всѣми эксплуатируемая, как же социалистам не дѣлать из нея эксплуатацію для своей агитаціи и полемики! А это преступленіе дѣлается и сознательно и бессознательно: маниак-монист не видит женщины, а пролетарку. Рождает у него, очевидно, рабочая сила, а не женщина...

Но за этим монизмом, по отношенію к женщинѣ, всегда скрывается грубый эгоизм и хищнически-эксплуататорская наклонность мужчины, его пѣтуше-ненасытное сладострастіе.

Половой либерализм господ писателей политивистов, радикалов, социалистов и так называемых анархистов, это либерализм неутомимой жажды вольничашаго безнаказанно для себя, неистовствующаго в своих излишествах мужчинскаго полового инстинкта. Мы бы против него ничего не имѣли, если бы он был насчет себя самого, на свой счет, а не на чужой, на счет несчастной женщины...

Так либерал-фабрикант либеральничает на счет рабочаго, так „большой“, старик и взрослый социалист-педагог демократничает на счет молодежи и ребенка, так социалист или мнимый анархист господствующей націи космополитничает за счет несчастной угнетенной національности.

Блестящим примѣром социалиста націеѣда, космополита на счет других, может служить „великій“ монист Плеханов. Каким щедрым он был на счет всѣх бывших угнетенных національностей в Россіи! Сколько проклятій и насмѣшек сыпалось на голову несчастнаго Бунда за его жалкую національно-меньшевистскую (ибо может ли какой-то Бундик не быть меньшевистским даже в своей реакціонности!) культурную автономію, со стороны неумолимаго мониста и космополита Плеханова. Но как только вспыхнула война, и дѣло дошло до самого себя, до своей націи, то этот архи-космополит сразу стал архи-патріотом, „единственником“, показывая нам истинную внутреннюю связь между монизмом, космополитизмом и империализмом. Монизм социалиста означает: или моя партія должна властвовать над всѣми, гнуть всѣх в рог, извести всѣх и все, замучить всѣх безпартійных, внѣклассовых и межклассовых, расправиться со всѣми другими партіями, травить всѣх других угнетенных, а главным образом, зачумлять личность всѣх других угнетенных, а главным образом, зачумлять личность (Ленин с его диктатурой „коммунистов“) или-же моя нація должна

См. нашу брошюру „Космизм или идеологія итерриториаліата“ (1909 г.), гдѣ мы уже тогда, чуя лживость плехановскаго космополитизма, заклеили его, как и Каутскаго, „мѣдными лбами проституточнаго космополитизма“

господствовать над всѣм міром, самое меньшее, над шестой частью земного шара, угнетать и истреблять сотню угнетенных національностей (Плеханов). Космополитизм „коммуниста“ означает: Смольный Институт (первое богоявление) и Кремль (второе богоявление) должны распознаться-разрастись по всему земному шару, поглощая его, как по талмудической легендѣ, Палестина, и Совнарком должен захватить мировую власть (Ленин). Космополитизм-же обыкновенный означает: моя родина должна поглотить весь земной шар (Наполеон, Цезарь, Александр Македонскій).

Так космополитизирует социализм, угнетая, изведя угнетенные национальности своим правым крылом, или же, в самом идеальнѣйшем случаѣ, либеральничая на словах, говоря о федеративности націй и требуя на дѣлѣ беспрекословной послушности от них, когда у него хватает сил заставить,—своим лѣвым крылом, „коммунистическим“.

Социализм, таким образом, кромѣ того, что он неправильно и неумѣючи, коллективистически-централистически, рѣшает рабочій вопрос, совершенно *игнорирует* или *эксплуатирует*, как дѣтскій вопрос, так женскій вопрос, так и національный вопрос (т. е. угнетенно-национальный вопрос, как мы его называем: итерриториальный).

Но самое страшное еще впереди. Смертный грѣх марксизма или экономо-монизма это не грѣх против ребенка, о котором Маркс понятія не имѣл, и не против женщины, которую Маркс эксплуатировал, и даже не против угнетенной национальности, которую Маркс своим лжекосмополитизмом, выродившимся потому, в послѣднее время, в патриотизм почти у всѣх правовѣрных его учеников,—его смертный грѣх это его грѣх против личности. Выдвигая диктатуру пролетаріата, он стал бичем „человѣка“, ужасом культуры, чучелом „свободы личности“.

Низведя все к одному, к монизму, он в сынѣ рабочаго проглядѣл ребенка, в работницѣ—женщину, забыл о принадлежности большинства рабочих к угнетенным национальностям, а под конец, забыл, не знал и не понимал, что и рабочій — человек, личность, тяготящаяся насиліем общества, государством, что тюрьма, суд и закон его мучит, угнетает, во всяком случаѣ, не меньше, чѣм буржуа, и что ему, как человекѣ, как личности, ни тепло, ни холодно от того, что эта карающая мучающая власть будет величать себя „рабоче-крестьянской“.

Словом, он „все“ забыл ради „одного“.

Все это плоды монизма и синкретизма. Низведя все к одному, к монизму, к единству, они низводят все на „ничто“, ни к чему.

Монизм, обыкновенно, переходит в свое противорѣчіе: не умѣя свести все к одному, он создает синкретизм, путаницу. Путаная голова Карла Маркса явила нам разительнѣйшій примѣр безпомощности монизма и безалаберщины, преслѣдующей его по стопам. Сведя все к *экономикѣ*, он тѣм не менѣе ни с того, ни с сего, а как бы

лишь для того, чтоб показать всю бессмысленность монизма, ухватился убыми руками за *политику*, за политическую борьбу. К доверенію безалаберщины, он уцѣпился нѣсколькими пальцами и в профессиональный союз. Но если политика и партія, то к чему профессиональный союз и экономика!

Гдѣ же здѣсь монизм! Если же, далѣе, и экономику саму понимать чисто-марксистски, т. е. опять монистически, сведя и ее к одному, к техническому прогрессу, то, спрашивается, к чему профессиональные союзы: не лучше было бы рабочим основать *технические союзы*, поступать, напримѣр, на электротехнической цѣли, воистину содѣйствуя естественному процессу, концентрации капитала, росту производительных сил. Очевидно, если быть послѣдовательным марксистом, истинным монистом, то нужно признать цѣлесообразность лишь одних союзов инженеров, электротехников и т. п.

Но Маркс от яраго монизма вдруг ударился в безудержнѣйшій плурализм, да еще какой—совершенно безпринципнѣйшій!

Такова уж судьба всѣх архи-монистов превратиться вдруг, совершенно противорѣча себя, в архи-плуралистов.

Так тѣло монаха отшельника вдруг, взбунтуясь против систематического ея умерщвленія и мстя за него, дает себя волю и возмѣщеніе в безудержном разгулѣ и развратѣ. Так и дух монистов мстит за свое монистическое умерщвленіе, восстанавливая свои права путем грубой бессистемности и безтолковщины.

Карл Маркс, крайнѣйшій монист в теоріи, создал потому самую плуралистическую противорѣчивую тактику, добавляя ко всѣм своим противорѣчіям, еще одно: противорѣчіе между теоріей и тактикой. Это не случай: всякій монизм противорѣчив, и на практикѣ вырождается в полнѣйшую безпринципность.

Примѣром этому пусть послужит хоть бы монистически-субъективный трансцендентализм Канта, выродившійся в его „Критикѣ практическаго разума“, так сказать, в его тактикѣ—в свободу воли, слѣдовательно, в плурализм, каковую участь раздѣляет, впрочем, вся нѣмецкая культура, копирующая, как мы доказываем в наших философских трудах, древнеиудейскую культуру: она слишком монистична в чистой теоріи, и совершенно хаотично-плуралистична в своей практикѣ, т. е. в прикладной своей наукѣ или прикладной теоріи. Таково и противорѣчіе между „законом“ и „пророками“ (Лук. XVV, 6), и между хаотическим талмудом и крайне-выдержанным философским еврейским монотеизмом, как и между нѣмецкой юриспруденціей и философией. Нѣмецкая индукція, казус, сингуляр, безсвязна, нагромождена и путана, как еврейская. *Этот хаос* в „законѣ“, в практикѣ, в тактикѣ, *законное дѣйствіе монизма*.

Крайне-монистическій бог не рождается из хаоса, но зато рождает хаос. Самое крайнее отрицаніе хаоса—монизм,—не будучи в со-

стояній сладить с реальной дѣйствительностью или даже с его имже исковерканной дѣйствительностью, переходит само в хаос: теряя единую нить, рассыпается.

Так марксистскій монизм превращается в первородный тактический хаос, увѣнчанный еще новым большевистским и меньшевистским столпотвореніем.

Пять идеалов пананархизма.

I.

Коммунизм.

Первый идеал это коммунизм. Он являет собой полное уничтоженіе частной собственности, и на землю, и на орудія производства, и на предметы потребления. Его девиз: все—всѣм!

Земля, все что в ней и на ней, фабрики, дома, одежда, хлѣб, всѣ богатства принадлежат всѣм членам общества, коммуны. Произведенія труда поступают в общественные магазины, откуда выдаются всякому в неограниченном количествѣ, сколько ему надобно. Каждому по потребностям.

И владѣніе, и потребление при таком порядкѣ, являют собою разительнѣйшій примѣръ простоты, нормальности. Гордіевы узлы современнаго хозяйства пресекаются одним ударом. Запутанный клубок хозяйственных отношеній распутываются дивнѣйше нехитрым образом.

Богатство общества, как накопленное трудами вѣков, трудами всѣх (кромѣ паразитов-капиталистов, помѣщиков и рабовладѣльцев), естественно должно принадлежать всѣм.

Потребленіе же регулируется потребностями. Оно индивидуально. Оно сообразовывается с физиологическими особенностями, вкусами и желаніями каждаго члена коммуны.

Все внѣшнее—всѣм одинаково.

Все внутреннее—каждому в отдѣльности.

Все стоит к вашим услугам: из этого разнообразія, изобилія, вы выбираете то, что вам нужно, то что вам нравится.

Проще, идеальнѣе и прекраснѣе в одно и то же время—и представить себѣ трудно!

Всѣ равны, абсолютно равны, и тѣм не мѣнѣе каждый живет своей особой самобытной жизнью.

„Каждому по потребностям“—и есть потому тот дивный мост, соединяющій коммунизм, это море общественности, с безконечным изобиліем изумрудных, углубленных в себѣ ручейков пананархизма.

Геній, титан техники, и послѣдній чернорабочій абсолютно равны в своих правах на жизнь. Но каждый из них живет своей своеобразной жизнью, живет „по своим потребностям“, живет в себѣ.

Вот переход коммунизма в индивидуализм, вот соприкосновеніе и довершеніе одного другим!

Для нас ясно, что только по недорозумѣнію или недомыслию против коммунизма возстают „talанты“, „творцы“, художники и всѣ „интеллигентствующіе“.

Для „карманных“ талантов, для толстосумовыхъ геніев, коммунизм опасен. Вмѣстѣ с отощеніем кармана, у них тощает и муза, их творчество.

Для истинныхъ геніев, истинныхъ творцов, только тогда и взойдетъ солнце творчества; обеспеченными от голода они будутъ свободно творить и полезное (тѣхнику), и прекрасное (искусство), и умное (науку как искусство умности), не продаваясь капиталу.

И никогда ужъ больше не закатится солнце-солнце коммуны—Трудовое творчество, Творчество Труда, Творчество Пантехники, Вѣчное Творчество.

С коммунизмомъ беспомощно и бессильно соперничаетъ коллективизм, означающій отмѣну частной собственности лишь на орудіе производства.

Для нас нѣтъ сомнѣній, что коммунизм, как наиболѣе крайнее рѣшеніе рабочаго вопроса, рассматривающее послѣдній лишь как часть болѣе общаго вопроса, вопроса о богатыхъ и бѣдныхъ вообще, является и наиболѣе желательнымъ и наиболѣе правильнымъ.

Коллективизм есть иоловинчатость. Если останется частная собственность на предметы потребления, то богатые кулаки или вовсе не выведутся или вновь появятся. Подай только черту частной собственности палец, и вся рука твоя окажется в его лапахъ.

Коммунизм неизмѣримо выше коллективизма во всѣхъ отношеніяхъ. Он выше и **соціально-технически**, как болѣе усовершенствованная и болѣе простая форма владѣнія, и **идеально-нравственно**, как наиболѣе отвѣчающій требованіямъ высшей морали. Как горная вершина над подошвой, возвышается мораль коммунизма над моралью коллективизма.

Верх и низ сливаются, небо с землей цѣлуются в коммунизмѣ. Обитатели „дна“ и дѣти солнца сбратались в нем.

И если коллективизм есть лишь идеал пролетарской знати, состоятельныхъ рабочихъ, то коммунизм идеал и сознательнаго пролетариата и люмпен-пролетариата, голышей, батраков, идеал всѣхъ бѣдныхъ и голодныхъ, всѣхъ оборванныхъ и босыхъ, всѣхъ неимущихъ.

Коммунизм есть идеал всего общества снизу доверху, и сверху до низу.

II.

Космизм или освобожденіе угнетенныхъ національностей.

Второй идеал, идеал итерриториаліата, т. е. всѣхъ об'единенныхъ угнетенныхъ національностей—это космизм. Космизм означаетъ

полное уничтожение современного территориального или империалистического порядка, который основан на частной собственности на территорию, т. е. на принадлежности данной территории одному господствующему народу. Космизм требует очеловечивания территорий, т. е. принадлежности каждой данной территории всем нациям земного шара, всему человечеству. Космизм не признает никаких государственных границ. Его девиз: **Весь земной шар всему человечеству**. Всякое частное владение, завладение какой-нибудь территорией одной какой-нибудь нацией, есть грабеж. Если частная собственность на капитал, прикрываясь, обыкновенно, фиговым листом сбережений и проч., нас обмануть не может, что уже говорит о частной собственности на территорию, захватно-грабительский характер которой ясен для всякого. Территориальная собственность сводится к порабощению всех национальностей всего земного шара какой-то кучкой господствующих наций, к порабощению и истреблению.

Отечество это грабеж! Отечество это разбой! И оно является таковым не только исторически, генетически, т. е. во время своего возникновении, зарождаясь грабежом и захватом, вытеснением или истреблением одного народа, или нескольких или многих народов другим народом, но и постоянно, статически, продолжая функционировать как таковое, т. е. как что-то хищническое, давящее, угнетающее. Современное государство, современная частная собственность на территорию, не есть мелко-собственническое, а крупное; современное государство есть государство национальностей (Nationalitätenstaat); это уж, так сказать, фабрика национальностей: одна господствующая нация угнетает иногда сотню и больше других национальностей. Так что отечество есть **постоянный и крупный разбой**. И поэтому только уничтожение всех отечеств, отмена частно-национальной собственности на территорию и замена ее общечеловеческой, что мы называем очеловечиванием или интернационализацией территорий, положит конец этому тихому маскированному „мирному“ разбою, угнетению национальностей, как и открытому разбою, называемому войной. Ибо только уничтожением всех отечеств, упразднением территориалистического (на вульгарном языке — империалистического) строя водворится воистину вечный мир на земле. Когда одному народу нельзя будет угнетать другого, нельзя будет господствовать над другим, тогда, очевидно, не из-за чего будет воевать. Когда нельзя будет больше нагнать территорий, тогда, разумется, не будет больше хищнических набегов. Ибо война ведется не, как думает правая социал-демократия, из-за рынка, а главным образом, в целях захвата власти, захвата права управления данным обществом, захвата данной территории как **материального базиса управительной деятельности**.

Война, в своем современном цивилизованно-разбойничьем фазисе, уж больше не является простым грабежом, грабежом имуществ и земель, каковым она была когда-то, а *территориалистически*, грабежом территорий, т. е. не захватом частно-владельческих земель, а

захватом государственных институтов и захватом права распоряжаться всеми находящимися в данной области, иными словами: суть не в захвате географической территории, т. е. земли, а в **юридической территории**, т. е. в праве управлять; меняется не частное владение землей, так как нередко тот же крестьянин или помещик остается на месте, а лишь частное владение **территорией**, т. е. появляется другой владелец частно-национальной (в сущности по отношению к индивиду это нужно назвать **обще-национальной**, но мы здесь, рассматривая нацию как коллективный индивид и рассуждая с точки зрения человечества, правильно называем это частной собственностью, частно-национальной, так как обще-национальное, подобно слову „общечеловеческое“ означало бы в данном месте **человеческое**) собственности, территории. Войны, таким образом нужно определить как драки, возникающие между нациями-владельцами, территориальными собственниками, на почве частно-владельчества. Но принимая во внимание, что эти собственники территорий, в современном обществе, не мелкие, а крупные, (назовем их крупными территориалистами), и что захваченные спорные территории обыкновенно заселены угнетенными национальностями, то войну нужно охарактеризовать как драку между территориалистами за право угнетения, так как, в сущности, все сводится к тому, в чье владение, в чье рабство должны попасть эти невольники-нации, какому господину служить. И сама собою напрашивается мысль, что война между территориалистами — господствующими — нациями это что-то вроде свободной конкуренции между капиталистами. А их пацифизм?

Пацифизм территориалистов, пацифизм дипломатической, Гаагский не есть истинный пацифизм, этический пацифизм (т. е. пацифизм „не убий!“, на котором воздвигается пацифизм „не угнетай!“) а лишь **синдикат-трест господствующих наций**, стремление к легкой территориальной наживке; это право угнетения, добываемое без риска и жертв. Как синдикат-трест обеспечивает „мирную“ максимальную эксплуатацию рабочих, утилизируя и ту долю энергии, которая иначе была бы израсходована на свободную конкуренцию, на усиление эксплуатации, так и этот Гаагский синдикат-трест территориалистов сводится к тому, чтобы обеспечивать за кучкой территориалистов вечное господство над своими угнетенными национальностями, возможность „мирного“ максимального угнетения их, угнетения без подвержения себя риску и страху потерять вдруг кого-нибудь из своих угнетенных национальностей. Этот пацифизм пока реакционен, ибо при современных условиях только при возникновении драки между территориалистами слабым территориалистам (угнетенным национальностям) удастся вырваться из когтей их, что мы видели на примере Польши и Литвы в данной войне. Правда, этот фактор лишь полупрогрессивный, так как он решает лишь вопрос одной угнетенной национальности (и почти всегда во вред другим угнетенным национальностям, живущим бок о бок или в перемену с этой новой территориальной мелко-собственницей) и несколько не общий во-

прос всѣх угнетенных національностей, т. е. итерриториальный вопрос (ошибочно называемый „национальный“), который, на наш взгляд, может быть окончательно и навсегда и для всѣх сразу разрѣшен лишь путем очеловѣчествленія территорій; да к тому, увеличивая на время количество мелких собственников, мелких территориалистов, он создает для многих слабых умов иллюзію возможности рѣшенія итерриториального вопроса, вопроса всѣх угнетенных національностей, путем территориализации, путем превращенія всѣх итерриториалистов в мелких территориалистов, т. е. путем созданія национальных берлог, называемых ими национальными государствами... Для болѣе глубокаго вдумчиваго пониманія однако ясно, что эти явленія исключительныя и при том лишь временнаго переходнаго характера: война без сомнѣнія скоро замѣнится **синдикатом-трестом** территориалистов, территориалистическими (ошибочно или, самое меньшее, вульгарно называемыми международными) трибуналами, при которых такой скачек из итерриториальности в территориалистичность, из угнетенности в освобожденіе, каковой сдѣлала Польша, станет абсолютно невозможным. Будущій трест-синдикат, т. е. мирный раздѣл пограничных маленьких національностей и государств между собою, т. е. между крупными территориалистами, уж ясно вырисовывается даже из самых ситуаций и группировок воюющих сторон. Ясно до очевидности, что современная война уж есть не обыкновенная война, а **синдикатная**, точнѣе, коалиціонная война, т. е. полусиндикатной, и уподобается потому лишь конкуренціи двух крупных трестов. Это уж, во всяком случаѣ, не единоборство старой войны. Полигология (наука о политикѣ), наука, в вѣдѣніи которой и лежит этот вопрос, вопрос войны, который нѣкоторые, ошибочно, благодаря провозглашенной гегемоніи экономики, переносят в область экономологии или политической экономіи, — нас и учит, что политическая свободная конкуренція народов и вытекающіе из нея кризисы, называемые войнами, чѣм дальше, тѣм болѣе ограничиваются выступающими на сцену союзами, соглашениями, коалиціями, так что в общем проявляется тенденція, подготавливающая ликвидацию современнаго территориалистическаго национально-политическаго строя и перехода его к другой высшей формѣ, к так называемому нами космическому строю, тенденція, которую обозначаем термином „концентрація территорій“, выражающаяся в ростѣ государства, с одной стороны, что называется нами **простой концентраціей**, и в коалиціонности между государствами, с другой стороны, что называется нами **сложной концентраціей** *).

И если простая концентрація есть отрицательный фактор, так сказать, отрицательное очеловѣчествленіе территорій, т. е. лишеніе

*) Считаю нужным замѣтить что ученіе о концентраціи территорій является у нас анахронизмом, лишь марксистским приѣмом, т. е. лишь приѣмом агитации против марксизма въ духѣ самого марксизма; с точки зрѣнія же чистой социотехники оно лишнее, и вообще пахнет социоматіей, особым ея видом, называемым нами „ма-

всего челоуѣчества территориальности, то сложная концентрація, коалиціонность, есть положительный фактор, именно положительное, настоящее очеловѣчествленіе территорій, распространенное, правда, лишь на территориалистов, и к тому, до жалкости еще урѣзанное. Это коалиціонное очеловѣчествленіе есть, в сущности, лишь такой же жалкій намек на будущее „космическое очеловѣчествленіе“, как современное буржуазно-синдикатное обобществленіе средств производства мало похоже на буржуазно-коммунистическое. Тут требуется великій революціонный акт — включеніе в состав синдиката народов, коалиціонных государств, и (еще болѣе: главным образом) угнетенных національностей*). Угнетенныя національности должны забрать в свои руки (но не для себя, для диктатуры итерриториалиста, а для всѣх націй, и для бывших господствующих) не только внутри-государственное управленіе, но и то, что называется международной политикой, т. е. внѣшнее управленіе государством, так сказать, внѣшнее государство. Когда произойдет захват института синдиката или союза народов, тогда только пробьет час уничтоженія частно-национальной собственности на территорию и утверженіе космическаго порядка. В международные институты: почта, телеграф, желѣзные дороги и т. п. будет тогда введен **международный язык**, в національных же институтах останется **национальный язык** данной національности, владѣльца этого института. Каждая нація, без всякаго исключенія (ибо не будет больше ни господствующих, ни угнетенных) будет конструироваться по персональному принципу, образовывать итерриториальный всемирный союз. Будет ли этот союз принудительным, государственным или конвенціональным или же вольно-анархическим — это рѣшит каждая нація для себя по собственному желанію и усмотрѣнію. С другой стороны, не подлежит сомнѣнію, что, в концѣ концов, этот вопрос будет рѣшен в пользу конвенціональности или вольно-анархичности, так как итерриториальная государственность есть абсурд. Также мы не менѣе увѣрены, что наряду, или быть может, немножко позже, с уничтоженіем внѣшняго государства, просто государства, и преобразованием его в вольный (вольный по существу) социотехникум, преобразуется и внѣшнее государство, так называемая коалиція или союз народов, т. е. территориалистов, иначе-государств, но которое должно называться государством государств, — в Космической Социотехникум, **социотехникум социотехникумов**.

И, по этой причинѣ, идеал освобожденія угнетенных національностей и братскаго сожительства народов правильно нами назван „космизм“, ибо отбрасывая, как анархист, политизм, т. е. государствен-

гійей колоссализацией“. См. наше сочиненіе „Социоматія и социотехника“. Космизм вовсе не обязательно должен осуществиться и посредством итерриториализации, как осуществленіе коммунизма вовсе не связано с ростом пролетаризации и люмпен-пролетаризации, а обуславливается ростом социотехники.

*) В этом отношеніи важным актом является указаніе Декрета о мирѣ о необходимости пригласить представителей угнетенных національностей на мирную конференцію.

ность, от слова: „космополитизм“, получается и остается один: „космизм.“

III.

Геніантропизм или освобождение и очеловѣчение женщины.

Третій идеал, идеал женства, мы называем геніантропизмом. Он означает **очеловѣчение** женщины, упразднение семейнаго воспитанія и домашняго хозяйства или, по крайней мѣрѣ, одинаковое участіе в них обоих полов; освобождение женщины от насилія и угнетенія мужчин; полное уничтоженіе современнаго андріархата (господства мужа в семьѣ) и андріократіи (господства мужчины в жизни). Женщина в современном обществѣ не есть **человѣкъ**, а рабыня-кухарка и **самна**, т. е. и эксплуатируема, как работница в семьѣ и эксплуатируема, как предмет потребленія, а именно полового потребленія. В низших слоях она подвержена двойной эксплоатации, но зато не такой интенсивной и специализированной, как в высших слоях, гдѣ женщина ни дать ни взять, а чистый предмет полового потребленія, приобретаемый по всѣм правилам купли-продажи. К этой индивидуальной точкѣ зрѣнія: женщина—**предмет потребленія**... слѣдует прибавить и обще-государственный взгляд: женщина—**орудіе производства**, производства дѣтей, работников, а главным образом, солдат.

Обѣим этим точкам зрѣнія, и потребителю-обывателю и, организатору живого производства, государству, и страшна поэтому мысль **об очеловѣченіи** женщины. Предмет потребленія бунтуется...—негодует обыватель—меню должен быть покорным, тиховравным, женственным.

Кого пошлем на убой-разбой—негодует государство,—того и гляди, пушечнаго мяса не хватит.

Но женщинѣ не до перваго и не до втораго. Она жаждет раскрышенія. Ей нѣтъ дѣла до вербовки солдат. Ей нѣтъ дѣла до извращенных утонченностей вкуса мужчин. Она не желает больше униженія и позора. Она желает быть равноправным человѣком. Она знает, что ее довело до вымирания, вырожденія и извращенія мужчинское владеніе над нею в цѣлях двойной эксплоатации, хозяйственной и половой. Она стремится потому к фактическому уравненію в своих правах с мужчиной, которое может быть достигнуто ею лишь путем кореннаго переустройства семьи и сверженіем с себя ига домашняго воспитанія и домашняго хозяйства. Что обуза дошкельнаго воспитанія женщинѣ не под силу и не по плечу, что она должна стать дѣлом специалиста и выйти из того жалкаго положенія, в котором в первобытном и полудивилизованном обществѣ нѣкогда находилось и то воспитаніе, которое сейчас всецѣло исключено из семьи и передано в руки школы,—эта мысль становится все большим достояніем культурнаго

общества. Но женщина никак не может мириться и с позором домашняго хозяйства, существованіем особаго низшаго жемскаго труда, предназначенаго как бы лишь для униженія женщины. „Долой домашнее хозяйство!“ или болѣе смягченная формула (для любителей и цѣнителей домашняго, индивидуальнаго хозяйства): „равное участіе обоих полов, в домашнем хозяйствѣ“—раньше или позже станет боевым кличем женскаго движенія.

IV.

Педизм или освобождение ребенка и молодежи.

Четвертый идеал—это идеал молодежи. Будучи, в сущности, единым и цѣльным, он, однако, имѣет двѣ стороны, два проявленія. В своем отрицательном проявленіи мы его называем аморфизмом, означающим отрицаніе, непризнаніе за старым поколѣніем права формировать, образовать душу, дух молодежи и дѣтства по своему старческому образу и подобию, по заготовленному им шаблону. Аморфизм провозглашает право молодежи на самобытіе, на самобытность, на самоопредѣленіе, на самовыявленіе. Аморфизм провозглашает неприкосновенность коллективной личности молодежи, неприкосновенность міровозрѣнія молодежи. Аморфизм видит в образованіи, в морфизмѣ или формизмѣ современнаго воспитанія, т. е. в отдѣлкѣ и отчеканкѣ психики молодежи, орудіе порабощенія молодежи, усматривая в нем, в современном научном образованіи, явную тенденцію к обезвреживанію опаснаго соревнованія молодого поколѣнія путем консервировки, т. е. путем духовнаго (психологическаго) старенія, дѣлая его, таким образом, безопасным в жизненной борьбѣ своей со старым поколѣніем. Страх пред тѣм, чтоб молодежь не пришла и постучалась в дверь... есть главный стимул современнаго образованія. И вправду оно достигает своей цѣли: молодежь не стучится в дверь культуры, ибо рука у нея трясется... она сѣда сердцем и умом. Эта сѣдина духа, это психологическое стареніе и есть главная цѣль современнаго образованія. Благодаря ему молодежь не приходит, не выходит в жизнь властелином, творя новыя формы ея, как должна была бы по природѣ своей, а рабом, поклоняясь старым кумирам, старым шаблонам.

Этот формизм, это современное образованіе есть, таким образом, гибель молодежи, гибель духовная, обезличиваніе, десиндивидуализация, и гибель матеріальная, ибо она означает и пражженіе молодежи во всѣх областях жизни, неумѣніе выдержать конкуренцію стараго поколѣнія, властно отстранив его. Но этот формизм приносит собою не только гибель молодежи, но и гибель цивилизации. Это систематическое стареніе (консервировка) молодежи через ряд вѣков неизбѣжно приводит к консервации общества вообще, к застою культуры, к китай-

щинѣ, которая является лишь бы этнопсихопатологическим*) неминуемым слѣдствием этого многовѣкового примѣненія оstarительнаго метода, и которая никогда не наступила бы, если молодежь была бы предоставлена самой-себѣ, естественному своему развитію, если бы не был нарушен естественный процесс психологическаго омолаживанія общества, благодаря которому с каждым біологическим обновленіем совпало бы и психологическое, т. е. каждая смѣна поколѣній естественно влекла бы за собою и смѣну культур.

С осуществленіем же аморфизма, с предоставленіем молодежи ея неотъемлемаго права на духовное самоопредѣленіе, на выявленіе своей коллективной и творческой личности, творческой уж по одному отсутствію у нея шаблонов, старопереживаній, апперцептивных масс, элементов естественнаго консерватизма, консерватизма старости,—мы, слѣдовательно, обеспечиваем неосстановочность прогресса, культуры, творчества. И этим послѣдним аморфизм уж переходит из отрицательнаго в положительное. Тут пред нашим взором во всем своем величіи, во всей своей всесолнечности, разгорается величайшій из идеалов человѣчества, идеал Вѣчнаго Творчества, идеал культуры без застоя, идеал безконечнаго развитія, идеал одного стремленія вперед.

Аморфизм, это скромное на вид стремленіе к избавленію молодого поколѣнія из под ига современнаго рабскаго образованія и рабской школы, есть таким образом, глубже вникая, не только идеал молодежи, но и идеал всего мыслящаго, всего творящаго человѣчества—идеал Вѣчнаго Творчества.

Другая положительная сторона аморфизма, т. е. необразованія, есть адаптивизм или репродуктивизм, т. е. практичность, приспособительность или воспроизводительность воспитанія. Уж одним отрицаніем отвлеченнаго современнаго наукообразованія, этого душековеркательства, этой школьной психофабрикаціи, самим собою напрашивается установленіе новаго вида воспитанія, практическаго, трудового, на нашѣм языкѣ: пантехникалистическаго, т. е. воспитаніе, доставляющее воспитаннику всю совокупность дѣйствій, приѣмов, навыков, практических искусств, ремесл, сноровок, организованных привычек, всякаго рода умѣній, необходимых в практической жизни, словом, всю практическую культуру. Школу, дающую такое воспитаніе, занимающуюся, слѣдовательно, не образованіем, т. е. бѣлоручеством, жалким интеллигентствованіем и преступным обезличиваніем молодежи (генерационной десиндивидуализаціей), а воспитаніем, настоящим воспитаніем, трудовым, точнѣе, пантехникалистическим, т. е. всепрактическим, всетехническим, и реализующую это воспитаніе, опять таки не книжно-теоретически, а практически, приспособительно—такую школу называем Адаптиной или Репродуктивной.

*) „Этнопсихопатологическій“ означает относящійся к болѣзни души или духа народов.

Адаптина это школа Приспособленія к жизни. Репродуктивна это Школа Воспроизведенія жизни. Воспроизводя жизнь, и практически приспособляя к ней, репродуктивна сулит молодежи и человѣчеству не только свободу, но и хлѣб. Сажая Древо Жизни рядом с Древом Творчества, она будет Никогда-не-Потерянным Раем для молодежи. Она—антипод, діаметральная противоположность современной школы, которая является не только рабской, но и безжизненной, которая не только обезличивает, обезволивает и обезмлаживает молодежь, но и обезжизнивает ее, отрывая ее от жизни, от всего практическаго, давая не истинныхъ знаній, практических, а лишь ничтожную тѣнь их, какія то жалкія абстракціи, и присоединяя, таким образом, к своему преступленію еще и обман. Старая школа есть школа убиванія тѣла и духа молодежи, но она и школа грандіознаго обмана: ея знанія суть лжезнанія, но ея уташеніе духа истинно, ея духовная смертононость аксіомна.

Задача Молодежи бороться с этой старой школой на жизнь и на смерть. Это школу нужно вырвать с корнем, с ядовитым корнем рабскаго образованія, злодѣйскаго душековеркательства и душегубства. Не нужно вырвать так, чтоб ея мѣста не узнать!

А вы, реформаторы школы, не обращайтесь к одному добросердечію маменок и доброжелательству учителей, а к истинному носителю педагогическаго идеала, к истинному призванцу реформы школы, к молодежи.

Наивны вы, реформаторы школы, вы педагогическіе утописты!

Как утописты социальныя, т. е. экономическія, в свое время не уразумѣвшіе обратиться своей реформаторской проповѣдью к носителю экономическаго идеала, к рабочему классу,—вы носите с вашими прекрасными педагогическими идеалами в воздушном пространствѣ, не имѣя твердой политической почвы под ногами. Но твердую почву может вам дать Молодежь. Она будет бороться за свои интересы, за свое освобожденіе.

Вы проповѣдуете защиту интересов Молодежи и Дѣтства. Но самая лучшая защита это самозащита.

Идите въ Молодежь!

Революціонизируйте ее педагогически, просвѣщайте ее педагогически, дѣлайте ее педагогически сознательной.

Несите им ваши педагогическія знанія, таланты, труды и ваше самоотверженіе, и ваши педагогическія идеалы обрѣтут плоть и кровь политическаго движенія. Бросьте нянчиться с одними маменьками и папеченьками—идите в Молодежь!

Освобожденіе Молодежи—должно быть дѣлом самой молодежи!

V.

Анархизм или освобождение личности.

1.

Безвластие.

Пятый идеал—Анархизм—это идеал развитой личности. Развитая личность тяготеет к принудительным нормам, между ней и государством царит непримиримая вражда, кипит борьба. Развитая личность стремится к автономности, к суверенности, между тем как государство стремится культурно ступшевывать ее, низведя ее к стадности, политически-юридически—закабалить, поработить, опутывая ее сетью тягостных, давящих законов. Государство это десиндивидуализация, и потому государство есть варварство, и в некультурном варварском обществе господствует один принцип государственности. Но с развитием культуры это торжество, это абсолютное порабощение личности государством, идет на смарку. Личность пробуждается из насильственной государственной спячки и заявляет о своих правах. Тогда начинается планомерная борьба за освобождение личности, последняя добывается некоторых минимальных прав, некоторых неприкосновенностей. Все это совершается с такой неотразимостью, с одной стороны, и полусознательностью, с другой стороны, что никому в голову не приходит, что тут дѣло идет об анархии, об уничтожении власти над личностью, о смягчении одного из видов угнетения современного общества. А между тем это и есть тот парламентарный анархизм, за который борется либерализм.

На наш взгляд, весь прогресс культуры состоит, главным образом, в этом росте индивидуализма, в борьбе личности за освобождение из под гнета государства. История цивилизации это борьба классов, полов, групп (между группой территориалистов и интертерриториалистов), поколений и—что вѣнчает все—борьба личности с государством. Пробуждение и развитие личности—вот главная задача культуры. И тут именно культура сталкивается с самым страшным его врагом, с государством. Ясно, что государство это некультурность, государство это варварство.

Если проанализировать преступную деятельность государства, то увидим, что она сводится к трем ступеням угнетения: 1) воспрепятствование пробуждению личности; 2) угнетение таковой, когда последняя, наперекор государственной десиндивидуализации все-таки, появляется; 3) сведения проявленной личности на нѣт, или собственно десиндивидуализация (обезличивание). И знаменательно, что этой преступностью характеризуется и преступно-десиндивидуализаторская, угнетательская роль государства по отношению к коллективной личности угнетенной национальности, гдѣ последняя ступень, апогей угнетения, называется „ассимиляцией“, а также деятельность школы по отношению к молодежи, гдѣ этот верх угнетения, доведения до полного обезличивания, называется „рецептивностью молодой души“...

Далѣе, государство есть не только фактор десиндивидуализации, но и деморализации. Государство не только угнетает личность, оно обрушивается, ложится всей тяжестью своего подавления, заглушения именно на нравственную личность. Для нравственной личности государство есть и очевидная лишняя обуза, и дѣлом дьявола, оно олицетворяет собою, одно стремление совратить нравственного человека с пути морали, долга на путь грѣха, уступничества, угодничества безнравственному обществу, или самое лучшее на путь постыдных сдѣлок с ним. Для нравственной личности государство представляет собою дилемму вредности: если оно заставляет дѣлать то, что нравственно, то оно вредно своей лишностью, так как насиліе не скрѣпляет признания, не содѣйствует пробуждению чувства долга, а наоборот, вызывая естественное возмущение, оно его затемняет; если же государство заставляет дѣлать то, что безнравственно, даже то, что безнравственно лишь для данного лица, то оно безусловно вредно, ибо оно безнравственно. Уж не говоря о том случае, когда оно пытается насиліем заставить участвовать в организованном убийствѣ, называемом войной, человека, стоящего на точкѣ зрѣнія любви и „не убий“, тут преступность его очевидна для всякаго, кто только не нравственно слѣп, не совсем нравственно изуродован современным государством. Но даже в случае, когда государство сталкивается с болѣе низким уровнем морали, чѣм тот, на котором оно стоит, то опять таки оно безусловно вредно тем, что оно не содѣйствует поднятію этой морали, а, напротив, обрушиваясь карами на этого преступника, который никак себя преступником не признает, оно вызывает озлобление, и вмѣсто необходимой морализации достигает деморализации, огрубѣния и одичания данной личности; вмѣсто просвѣтления-прояснения и пробуждения к новой для нея болѣе высокой морали, государство толкает эту личность в бездну антисоциальности, воспитывая в ней закоренѣлаго врага обществу, не только государства. Впрочем, возможен и третій случай, когда личность сознает свою вину, свой проступок, но не в силах была воздержаться от него. Нужна ли кара тогда? Безусловно нѣт. Для нас въ том случае вполне достаточно сознание вины. Тут всякій суд лишен, ибо он лишь мѣшает самосуду личности над собою: личность тогда не подвергается укорам своей совѣсти, а занята мыслью избѣгания наказания, инстинкт самосохранения заглушает голос совѣсти.

Такъ государство затемняет истинную оцѣнку поступков, так как нѣт больше ни добродѣтели, ни грѣха, а—преступление, то есть то, за что государство наказывает. При таком положении вещей не удивительно, что нерѣдко, если не в большинствѣ случаев, добродѣтель государства есть смертный грѣх, с точки зрѣнія морали, и то, что оно называет преступлением, есть величайшая добродѣтель. Так государство вознаграждает и надѣляет почестями, крестами и т. п. назбойников, убивающих своих братьев, нерѣдко братьев по угнетенности, по нуждѣ и горю, и карает людей, отказывающихся от воинской

повинности, т. е. от грабежа и убийства. Государство, слѣдовательно, или идет против совѣсти, вырывая ее, или же яко-бы замѣняя ее, дѣлает ее лишней. В результатѣ получается страшная безнравственность общества, страшная безсовѣстность, так как, в самом лучшем и в послѣднем случаѣ, совѣсть **вырождается от неупражнения**, от замѣны ее суррогатами, вроде тюрем и проч.

Проанализируя деморализаторскую дѣятельность государства, мы также найдем, что она, аналогично десиндивидуализации, сводится к трем моментам: 1) непробужденіе совѣсти 2) заглушеніе подавленіе, и 3) сведеніе на нѣт.

К чему же стремится анархизм?

Отвѣтъ ясен: к индивидуализации и морализации, проще, к Свободе и Любви.

2.

Об анархизмѣ-коммунизмѣ.

Каков же наш анархизм? Отвѣтъ ясен: анархизм-индивидуализм и анархизм-морализм. По нашему не существует другого анархизма кромѣ индивидуалистическаго. Всѣ эти слова коммунистическій анархизмъ и т. д., есть теоретическое заблужденіе, ибо анархизм сам по себѣ есть лишь защита личности, а это индивидуализм. Тѣм не менѣе практически-фактически анархизм-коммунизм правильнѣе анархизма-индивидуализма, т. е. когда послѣдній отрекается от коммунизма. Анархизм в тѣсном смыслѣ есть лишь рѣшеніе вопроса личности, и слѣдовательно анархизм-индивидуализм, но для рѣшенія рабочаго вопроса, точнѣе, вопроса бѣдных, нужно еще и быть коммунистом. Но оттого, что я к анархизму, который, по самой сущности своей, есть анархизм-индивидуализм, прибавляю коммунизм, от этого анархизм мой не становится коммунистическим, не мѣняет своей внутренней индивидуалистической природы, как напр. оттого, что я и скрипач и маляр, мое скрипачество не становится малярским: я только утверждаю, что я и скрипач и маляр, но мое скрипачество является лишь скрипаческим. Коммунистическій анархизм, таким образом, есть такой же абсурд как малярскій скрипач. Нѣтъ, мы анархисты, т. е. анархисты-индивидуалисты в области государства, в управительной дѣятельности, так как естественный и разумный порядок это тот, при котором личность управляется самим собою, но мы к тому же еще и коммунисты, но не в государствѣ, т. е. не в управительной дѣятельности, а в хозяйственной дѣятельности. Управлять должен каждый самим собою, каждый, каждая личность, должна быть на правах независимаго государства, но работать должны мы всѣ вмѣстѣ, кооперативно-коммунально, не индивидуально. Как анархизм-индивидуализм только не исключает, не противорѣчит коммунизму, но не есть коммунизм, так коммунизм не исключает, не противорѣчит анархизму, но не есть анархизм. Анархія, т. е. вольное общество мыслимо и без

коммуны, ровно также коммуна мыслима без анархіи, ибо можно устроить государственныя коммуны. Добровольная совмѣстная работа—вот анархія и коммуна вмѣстѣ. Но эта не единица, а 2. И, по нашему, как одинъ анархизм не достаточен, и не один коммунизм, так и оба вмѣстѣ недостаточны, ибо нужно не 2, а 5, нужен еще и гинеантропизм, (очеловѣченіе женщины), нужен еще и космизм (освобожденіе угнетенных Національностей), нужен еще и педизм (освобожденіе Молодежи), словом, нужно пять идеалов пананархизма.

Мы говорим о мыслимости анархіи без коммуны и коммуны без анархіи, но все это лишь схематически, фактически же, предполагаем, и социотехнически, одна невозможна и не будет без другой, и не только без другой, но и, по нашему, без всѣх четырех других; один идеал не осуществится успѣшно без четырех других. И потому анархическое (вольное), коммунальное, гинеантропическое, космическое, педическое общество можно называть, вообще, „Коммуна“. Мы также иногда употребляем это слово, хотя оно совершенно непригодно для нас. Но как анархисты-коммунисты вкладывают в коммуны два понятія (и анархіи и коммуны), так мы, пананархисты, вкладываем в нее 5 понятій. Для отдѣленія и различенія мы бы могли лишь переименовать ее, аналогично слову: „пананархизму“, в „панкоммуну“. (См. наш брош. „Долой Анархію“!)

Но самый удобный термин и для обозначенія этого идеала и обозначенія нашей пананархической Коммуны остается Пананархія-Всеанархія. Она обнимает всѣ наши идеалы, стремленія и философскіе взгляды, словом, „Пананархія“, включает в себя освобожденіе и от пяти угнетеній и от двух обманов: от религіи и науки. Пананархія это общество вольное и духовно.

Но нѣкоторые анархисты понимают слово анархизм не в собственном смыслѣ, не как одно отрицаніе принужденія и государства, а болѣе широко, как отрицаніе всего зла, что в нашем обществѣ. В этом своем значеніи анархизм совпадает с нашим пананархизмом, с его пятью идеалами. Но во избѣжаніе недоразумѣній и обвиненія в гегемоніи личности (при анархизмѣ) или гегемоніи рабочаго и личности (при анархизмѣ-коммунизмѣ) не мѣшало бы быть болѣе точным, называя себя „пананархистами“. С другой стороны, нам было сдѣлано, со стороны товарищей анархистов, справедливое замѣчаніе, что в сущности, анархист не может не согласиться с нами, так как анархизм всегда стоял за освобожденіе всѣх угнетенных и точка зрѣнія Союза Пяти Угнетенных для него не только пріемлема, но и обязательна, а если им чего то недоставало, то это лишь наш всепроникающій и всеохватывающій анализ. Так, по их словам, анархизм-коммунизм вовсе не намѣрен замыкаться в тѣсных рамках двух Угнетенных, пренебрегая всѣми другими Угнетенными. Его дуализм есть лишь результат незнанія, нехватанія силы анализа, но нисколько

ко не результат узости или пренебрежения интересами других Угнетенных. С момента же выяснения и ознакомления с пананархизмом, с нашей платформой, платформой Союза Пяти Угнетенных с его пятью идеалами, они, анархисты-коммунисты, всецѣло присоединяются к ней. Наша платформа, как наиболее широкая из всѣх существующих союзов, ассоціацій, федерацій и братств, может служить объединительным идейным базисом всѣм анархистическим толкам.

Таково мнѣніе всѣх наших смысленных „противников“ анархистов; кстати, пока нам еще не встрѣчалось видѣть сознательного анархиста, отказывающагося от нашей платформы, от идеологии всѣх пяти Угнетенных, называемой нами пананархизмом.

Но хуже обстоит дѣло с анархистами-коммунистами в вопросѣ о наукѣ, в вопросѣ уничтоженія духовнаго рабства и обмана и провозглашенія Анархїи Духа. Тут эти лжеанархисты, яко-бы неустрашимые и непримиримые, оказываются сплошь да рядом мелкими ничтожными трусами духа, так же раболѣбно, и порою еще больше, пресмыкающимися пред их величествами Ньютонами, Дарвинными, как любой буржуазный интеллигентик. Тут невѣжество сильно дает себя чувствовать, ибо невѣжество может быть благодатью для свободнаго гордаго духа, но несчастіем и крестом для рабскаго духа.

Но остановиться на этом здѣсь не входит в план статьи о пяти идеалах. Анархїи Духа, впрочем, мы еще посвятим особую работу, хотя без полемики, ибо если полемизировать, то приходится нам задѣть всѣх „авторитетов“ анархизма, что очень опасно: так называемый анархизм не менѣе, чѣм социализм, цѣпляется за мертвые или одряхлѣвшіе авторитеты, и Бакунина, напр., угрожает стать каким-то Кантом, для плоских анархических умов, или Карлом Марксом. А между тѣм ни Бакунин, ни кто-нибудь другой из анархистов, к сожалѣнію, не были не только не анархистами духа, но даже не рядовыми революціонерами духа, кромѣ одного Ницше. А если так, то что уж можно требовать от пигмеев анархизма-коммунизма, у того течения, которое за послѣднее время все болѣе чахнет и хирѣет, вырождаясь, как его творец. Анархизм-коммунизм поэтому все болѣе отходит от анархизма, становясь чуть ли не бѣлогвардейским у своего родителя, и жалким социалистическим, цикским прихвостнем, чѣм то вродѣ ничтожнаго придатка к баснословно невѣжественной бухаринской программѣ коммунистов, гдѣ Союз Пяти Угнетенных третируется как союз не пяти грандіозных коллективов, а—пяти человек или совсѣм двух, по бухаринскому выраженію—союз двух угнетенных. Право, тут бухаринскій союз двух: союз невѣжества и клеветы. К этому союзу двух, но не угнетенных, а угнетателей, к бухаринскому союзу невѣжества и клеветы, союзу Ленина и Бухарина, союзу Урицкаго и Джерджинскаго, к этому союзу, который ставил себѣ и двѣ задачи: посрамленіе или вѣрнѣе, выявленіе истиннаго лица социализма и надруганіе над коммунизмом—примыкают за послѣднее время „лидеры“ анархизма-коммунизма.

Об анархизмѣ-индивидуализмѣ.

Анархизм-индивидуализм есть тавтологія, что то вродѣ выраженія: „огненный огонь“ или „водянистая вода“, постольку, поскольку под словом „индивидуализм“ разумѣется то же освобожденіе личности от порабощенія государством, которое обозначает собою уж одно слово „анархизм“. Если же под „индивидуализм“ подразумѣвать духовное раскрѣпощеніе личности, то спрашивается „чѣм“? и „гдѣ“?, на что от анархизма-индивидуализма ничего конкретнаго, кромѣ неопредѣленнаго либеральничанія в области духа, не услышите. Но пананархизм, стремящійся к социотехникѣ, еще на пути к ней, любит конкретизацію, ибо туманности, смутности, неопредѣленные влеченія, мистицизмы, инстинктивизмы, метафизицизмы, пессимизмы, оккультизмы, ницшеанскія или шопенгауэровскія выходки и т. п., не могут стать предметом ясной социотехнической планизаціи. Во что может вылиться этот уродливый патологическій анархо-шопенгауэризм? только в один сплошной „террор ради террора“, в садистическое влеченіе к тому, что называем отрицательной и разрушительной биотехникой или абиотехникой, иначе некротехникой или танатотехникой. Но смерти нечего содѣйствовать, она все равно косит и абиотехникой эпидеміей и асоциотехникой войн... Что этот анархизм-индивидуализм аномален, что его нужно лѣчить, что он не сын „вольных степеней духа“, а урод болѣзненнаго мрака одиночек и каторг, сын цѣпей, не умѣющий освободить мір, а разбить... это ясно. Менѣе безобидно, но болѣе противно, это анархо-ницшеанское кривляніе, индивидуальничаніе, этот крикливый индивидуализм, неистово бьющій себя в перси и с пѣной во рту провозглашающій опредѣленіе себя в сверх-индивидуум. Он противен и ничтожен, ибо за ним кроется пустота и индивидуальное слабосиліе, ибо истинный индивидуализм, не индивидуальничает, как истинный оригинал не оригинальничает... И сказанное нами относится не только к ученикам, ницшеанцам и штирнеровцам, а отчасти и к самим учителям, в особенности к Ницше. Тѣм не менѣе за Ницше, и даже ницшеанством, нельзя не признать заслугу нѣкоторой подготовки ума, еще больше, настроенія и сердца к Анархїи Духа пананархизма: сквозь его туман пренебреженія наукой, иному может взойти солнце пантехники. И нѣтъ сомнѣнія, что Ницше и Шопенгауэр симптоматичны для европейско-нѣмецкой культуры, которая может дать нам освобожденіе лишь в смерти тѣла и духа: в самоубійствѣ или умопомѣпательствѣ. Оба, представляют собою неудачныя попытки высвобожденія себя из цѣпей европейскаго духовнаго рабства, оба жертвы. У обоих не хватало сил разбить цѣпи, и стать свободными, им пришлось рвать их на себѣ и вмѣстѣ с собою... Они остались калѣбками. Вот почему к ним тяготѣют и жертвы-калѣки тюрем: жертвы социальнаго рабства чуяли в них жертв духовнаго рабства. Социальным движеніем эта надломленность или неуравновѣшен-

ность духа стать не могла и потому осталась удѣлом лишь фигляров и „рисовальщиков“ духа.

С точки зрѣнія же объективной вся эта категория, хотя великих людей, но все-же неудачников духа, в которую входят и Руссо, и Шопенгауэр, и Штирнер, и Ницше, и Толстой, представляют собою врачей и себыврачевателей аллопатистов, лечащих посредством контрастов, возвращающихся к тому ненормальному состоянію, бѣгство и спасеніе из котораго создали нам современную аномалію. Из огня обратно в полымя. (Таким неудачником-политиканом является Маркс-Ленин, вернувшийся к до-демократизму, к диктатурѣ).

Соціальный индивидуализм Штирнера это возврат к первобытному до-обществу, его эгоизм—возврат к первобытной до-морали; Руссо и Толстой—это возврат к четверенькам культуры и морали. Духовный индивидуализм Ницше, его Анархія Духа—это возврат к до-наукѣ, к до-разуму, как и подсознательность Гартмана, Шопенгауэр-Гартмана—это возврат к небытію, к до-рожденію.

Пананархизм разсматривает всѣ эти попытки, как дѣтскій лепет, как эхолялію плаксиваго (у Шопенгауэра-Гартмана) или веселаго (у Ницше) ребенка Анархіи Духа, духовнаго освобожденія человѣчества, ребенка, который вырос, окрѣп и возмужал и заговорил о ясном и опредѣленном отрицаніи науки и всей лживой цивилизаціи—в Анархіи Духа пананархизма.

Нѣтъ! не к смерти и агоніи, не к современной полу-жизни, а к полно-жизни, к сверх-жизни—зовет пананархизм.

Но его зов не старья лживыя обѣщанія утопистов, маниаков, пророков и христов-мессіанистов.

Это не обѣщаніе-обѣтованія, а завоеваніе-самодаванія Пантехники.

Вѣчная жизнь, сверх-жизнь, в колоссальном анархическом обществѣ, в сверх-обществѣ, в исполински-развитом хозяйствѣ, в сверх-городѣ (в Градѣ Воздуха), в наивысшей добродѣтели, в сверх-морали.

Это вѣчное счастье, это Безцарствіе Безбожія выстроит Пантехника. Ея вѣрные помощники: аэротехника, соціотехника и біотехника. Онѣ никогда не лгали, ибо онѣ никогда ничего не обѣщали.

У них нужно взять, отвоевать, вѣрнѣе, вмѣстѣ с ними нужно взять и отвоевать.

И потому пананархизм зовет к сверх-труду и сверх-борьбѣ,—не к маразму и слабосилію индивидуальничанія, а к вольному сверх-сплоченію и сверх-организаціи.

Пананархизму нужно не только потерять цѣпи, ему нужно завоевать весь мір, завоевать весь космос, завоевать всѣ солнечныя системы—**Пантехникой!**

Ему нужна сверх-сила

О либеральном анархизмѣ.

Анархизм, и в узком смыслѣ (не как пананархизм, а как одно безвластіе), является одним из самых свѣтлѣйших идеалов человѣчества, имѣющим цѣлью, не только освобожденіе человѣка, но и возвышеніе и облагораживаніе его.

Но что нам сказать, послѣ этого, об отношеніи общества к анархизму?

Что нам сказать про ту дикую безсовѣстную травлю, которая ведется против этого идеала, или что еще хуже, о том гнусном безчеловѣчном преслѣдованіи, практикуемом в большинствѣ варварски-цивилизованных стран и толкающем лучшія любвеобильныя, изстрадавшіяся и истосковавшіяся по свѣтлому будущему, человѣчскія души на путь антисоціальности, на борьбу уж не одним государством, как нежелательной и вредной формой общественности, а с обществом самим.

В этой гнусной травлѣ анархизма соединились мѣщанское ту-поуміе, темный предразсудок, с злонамѣренной ложью, тут рука об руку дѣйствует невѣжество с провокаціей, провокаціей, организуемой государством, тайными его агентами, для оправданія своего существованія, своего мерзкаго насилия, с цѣлью полученія нужнаго им права на репрессіи.

Этот кровавожадный звѣрь, называемый государством, организующій войны, нерѣдко провоцирует и ненужныя неудачныя гражданскія войны. Нерѣдко, эти внезапныя вспышки и подавленья выступленій суть дѣло рук этой провокаторской руки. Государству нужны жертвы... Ему нужна кровь...

Но пусть общество облагоразумится и поймет, что, в сущности, к идеалу анархизма стремится все общество, что анархизм есть тот же либерализм, за который так цѣпко держится буржуазное общество, но он лишь болѣе искренен., болѣе краен и доведен до необходимых логических предѣлов, он только не лжив, как первый. Анархизм есть лишь истинная, искренняя полная неурѣзанная свобода, как коммунизм истинное искреннее полное, неурѣзанное равенство, и космизм истинное искреннее братство народов. А вѣдь эти то слова написаны и на знамени буржуазіи: Равенство, братство и свобода.

Кстати, посмотрим, что такое свобода слова, свобода печати и свобода собраній? Развѣ это не означает анархію слова, анархію печати и анархію собраній?

Далѣе, новообъявленная в Россіи отмѣна смертной казни, что она такое, если не анархія жизни. Пусть глупыя газетенки возмущаются разными отложениями, республиками, сколько глупой бездушнѣй душѣ их угодно, но для нас все-таки ясно, что самую страшную из независимых, отколовшихся от государства республик, объявило само вре-

менное правительство своим указом об отмене смертной казни. Этим объявлена и санкционирована анархия жизни, республика жизни на всей Руси *). Самое драгоценное для нас это жизнь, а эта жизнь, которая с варварских незапамятных доисторических времен всецело была в ведении государства, распоряжавшагося ею как бездушкой, вдруг исключена из ведения государства, объявлена независимой республикой, вернее анархией. И недаром контр-революционеры, жаждущие реставрации, так тоскуют по смертной казни, по их словам: в армии не восстановится желѣзная дисциплина, пока не будет сызнова введена смертная казнь. Ясно, что эти господа генералы и реакционные офицеры чувствуют, что отменой смертной казни наступил конец их господству, что этим нанесен самый страшный удар государству, скажем больше, этим государство убито в корне, ибо где отменена смертная казнь, уж больше **настоящаго государства**, „рабскаго“, основной признак которого есть распоряжение жизнью своих подчиненных, **не существует, а существует лишь жалкий остаток его: „ирростическое“ государство**. Весьма возможно, что отменившие когда-то и отменяющие сейчас смертную казнь, не дали себе такого отчета, по всей вероятности, они и испугаются, когда услышат, что мы их объявляем **анархистами**, конечно, лишь либеральными, т. е. эволюционно-реформистскими анархистами, а не революционно-социотехническими.

Что должен, далее, делать этот либерализм, точнее, этот государственный либеральный анархизм?

Ясно, что его задача укрепление завоеванных свобод, охранение тех четырех анархий: анархии жизни, слова, печати и собраний, и приобщение к анархии и вовлечение в анархию, в свободу остальных областей жизни, смягчение тюремного режима, **уменьшение наказаний**, упразднение уголовного кодекса (низведение его на гражданский) и т. д. Еще несколько шагов и вы стоите на грани **полной анархии**: как вы лишили государства права распоряжаться жизнью своих подчиненных, так вы его лишите права распоряжаться свободой передвижения личности, права запереть „свободнаго гражданина“ в тюрьму. Тогда уничтожится тюрьма и принудительный суд, и общество перестанет быть тюремной для всех его членов, т. е. перестанет быть государством, принудительным, а будет Вольным. Без этого все громкие слова о свободе, все эти надписи на знаменах „Земля и Воля“ суть пустой звук, лицемерие и обман. Какая же это воля, когда завтра вы можете очутиться в тюрьме. Нет. Путь ясен — к анархии! т. е. к свободе, к вольности!

Довольно вам, господа обыватели, гуляющие по Невскому Проспекту или заседающие в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, оплевывать великий идеал. Довольно и вам, вам социалистической обывательщины, старающейся пережеголять буржуазнолиберальную

*) Находим нужным заметить, что все это было написано недолго после февральской революции.

обывательщину своей площадной бранью и выпадами против „анархии“, неистово выкрикивать: „анархия“! Мы вам ясно показали, вам буржуазным либералам или социалистическим либералам, что вы идете к нам, к анархии, к не-государству, а не мы к вам. Прогресс, культура, цивилизация на нашей стороне, а не на вашей, так чего же вы ругаетесь, смешные, вы, ограниченные люди!

Что за разница между нами и вами? Вы идете черепашиными шагами эволюции, а мы молниеносными шагами революции, вы идете естественным процессом, а мы социотехническим путем.

Ускорите же ваши либеральные шаги, господа буржуазные и социалистические либералы, и перестаньте огрызаться на нас. К чему оно вам, это огрызание. Оно ни к чему не поведет. Мы слишком уверены в нашей правоте, в святости нашего идеала, и мы твердо, неуклонно и быстро идем, нет! мчимся к нему. Мы к вам не пойдем и не можем пойти, ибо вы идете к нам, к нашему идеалу. Идите же быстрее. Ну, шибче. Живо, поворотись, либерализм! Ругайтесь и плюйте, сколько угодно, а суть дела от этого не меняется. Нам ясно до очевидности, и это ясно для каждого, кто только не ослеп, что культура идет к анархии, к не-государству, к ослаблению и ограничению и, следовательно, уничтожению власти. Уменьшение наказания есть закон, закон цивилизации. Привудительность уменьшается, а когда она совершенно прекратится, право перейдет из **принудительной стадии в социотехническую**, а государство превратится в **Социотехникум**, в силу прогресса социотехники, в силу одной технизации — специализации государственного аппарата.

Идите же быстрее — и вся наша симпатия будет на вашей стороне. Мы будем вам сочувствовать и посылать горячий привет культуры, прогресса, свободы, идите в страну анархии, в страну вольности и свободы. Идите вы медленно грузно, если не умеете шибче, но нам дайте круто повернуть к ней. Мы, невѣрящие в ваше социальное богатство, в кумир эволюции, в необходимость и обязательность естественнаго процесса, нам дайте делать скачек из царства рабства в безцарствие свободы, из современной мрачной тюрьмы-государства в лучезарную вольную Пананархию.

Не беспокойтесь за нас, мы себя шею не свернем — социальное творчество, социотехника (общестроительство) нас выручит.

5.

Настоящий анархизм: социотехнический.

И потому, первым долгом, мы требуем права на социотехнику, на устройство общество-строительных колоний, институтов, социотехникумов. За это мы будем бороться, за это должны бороться все жаждущие освобождения, все, кто отрезвился от угара „научнаго социализма“.

Мы идем обратно от научного социализма опять к утопизму, но не к старому утопизму, утопизму фантазий, романов, а к социотехническому, к производству социальных опытов, попыток. Но вѣрнѣе будет, если скажем; мы вовсе не идем обратно, а вперед. Идем не обратно к утопизму, а к социотехнизму. Нам одинаково нужно отмежеваться, какъ отъ научного социализма, так и от утопизма. Не теорія, а социотехника, и только социотехника, не естественные процессы, а искусственные опыты, испытаніе всякаго рода планов, проектов—вот наша задача, нашъ путь, путь реального идеализма, социотехническаго идеализма, идеализма изобрѣтателей, а не мечтателей, не идеализма мечты, а дѣйства. И пусть терпим крушеніе за крушеніем, это не должно нас смущать, ибо всѣ великія изобрѣтенія не сразу удавались: желѣзная дорога не сразу налаживалась, свободное воздухоплаваніе и до сих пор еще не окончательно установлено. Побольше опытов, побольше попыток, и социотехникъ добьется своего, ибо техника творит чудеса, ибо она всесильна. Этотъ путь единственно вѣрный, единственно надежный, ибо другого пути нѣтъ. Старая вѣра в состоятельность и достаточность одного „научнаго обоснованія“, доведенія до всемогущественнѣйшаго естественнаго процесса, иссякла, и, нам нужно сейчас доведеніе до практики, до дѣйствительности—до техники, в данном случаѣ, до социотехники. А право на социотехнику мы еще должны отвоевать, отвоевать от государства. У нас одинъ путь спасенія, а этотъ путь загоразивает сабля.

Итакъ первый шагъ к анархизму это—право свободнаго устройства социальных анархических станцій, социальных лабораторій, социотехникумов.

Но первое предварительное условіе успѣшнаго функционированія этихъ социальных станцій, институтов, лабораторій, это право выступленія личности и группы из государства, из под государственной опеки, по крайней мѣрѣ, в дѣлахъ экспериментальнаго строительства будущаго общества—на ихъ порогѣ, на порогѣ этихъ институтов, колоній и т. п., должна окончиться власть государства, ибо иначе они рискуютъ пропасть в положеніе умывающагося в болотѣ или чистящаго грязной щеткой. Эти социотехническіе институты, Социотехникумы, просто, „обществостроильни“, должны быть вольными, внѣгосударственными. Это, кажется, должно было быть ясно для каждаго: разъ эти институты экспериментируютъ, подвергаютъ социотехнической критикѣ само государство, ставятъ себѣ цѣлью изобрѣтеніе негосударственной формы общежитія, то отсюда слѣдуетъ, что признаніемъ власти государства над собою они бы подрывали в основѣ всю ихъ изобрѣтательную социальную работу. Возможность существованія такихъ внѣгосударственныхъ ячеек в современном государственном обществѣ прекрасно может иллюстрировать право экстерриториальности консульств. **Социотехническое право**, назовемъ его актоархическим или актополитическим правомъ, есть только высшая форма экстерриториальности.

Мы остановились на этомъ при анархизмѣ, хотя это обнимает и

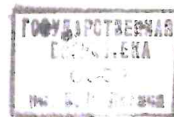
всѣ другіе идеалы, именно потому, что государство, главнымъ образом, стоитъ поперекъ дороги социотехники. Мы имѣемъ право (если не фактическую возможность) экспериментировать в области хозяйства, мы вправѣ устроить какую угодно фабрику, мы имѣемъ право экспериментировать в воспитаніи, т. е. устраивать какой намъ угодно тип школы и даже Адаптину (приспособительную школу) и т. д., ибо мы, данная инициативная, вѣрнѣе, социотехническая группа, можемъ выступить, хоть бы на время из даннаго хозяйства, из данной воспитательной среды и т. д., но не располагаемъ правомъ выступить хоть на минуту из под опеки государства. Очевидно, область государства есть самая отсталая изъ всѣхъ областей нашей социальной жизни, и что, нигдѣ нѣтъ такого произвола, такого глумленія над свободой, какъ в этой отрасли, отрасли управленія обществомъ. Хозяйство уже стоитъ под знаком буржуазной свободы, под знаком либерализма, свободной конкуренціи и свободнаго договора. Оттого, что обѣ стороны, предприниматели как и наемные, выступаютъ как двѣ организованныхъ силы, суть дѣла не мѣняется. Рабочій юридически, по крайней мѣрѣ, свободен, если не хочет, то он можетъ не работать, его лишь толкаетъ голодъ, нужда, т. е. он фактически не свободен. По отношенію к государству мы же стоимъ еще на той ступени варварства, на которой стоялъ древній міръ, именно на рабствѣ: тут не довольствуются фактической невозможностью существовать внѣ государства при данной государственной организаціи общества, т. е. вамъ не предоставляется право выступленія из государства, которымъ вы, все-равно, пользоваться фактически не можете, такъ какъ при данномъ злоустройствѣ общества вамъ будетъ угрожать опасность, „опасность жизни и имущества“,—нѣтъ! васъ прямо заставляютъ, приковываютъ к государству, вы узникъ государства! Такимъ юридическимъ узникомъ хозяйственной формы человѣка былъ только в эпоху рабства.

Отсюда явствуетъ, что существованію государства вовсе не угрожаетъ это право выступленія, этимъ оно лишь перейдетъ в болѣе высшую форму, а именно из рабскаго государства в либеральное.

Промежуточной ступеню между такъ называемымъ государственнымъ „рабствомъ“ и государственнымъ „либерализмомъ“ служитъ такъ называемое нами государственное „крѣпостничество“. Это полу-либеральное состояніе наступаетъ с момента отнятія смертной казни, с котораго государство уподобается крѣпостничеству тѣмъ, что оно подобно послѣднему распоряжается судьбою человѣка, не имѣя, однако, права распоряжаться его жизнью.

Уясняя и углубляя эту послѣднюю мысль, мы увидимъ, что эта либеральность, эта свобода выступленія, эта юридическая возможность без фактической, вполне допустима, возможна, желательна и цѣлесообразна для государства, и с точки зрѣнія самого государства, в интересахъ самихъ государственныхников (конечно либеральныхъ).

Мы ужъ имѣли случай указать на аналогичность процессовъ развитія государства и хозяйства по отношенію к націоналполитикѣ, какъ

напр. рост государства, концентрация территорий, война как национально-политическая конкуренция, пацифизм и его мнимый идеал „вѣчнаго мира“ как синдикат націй—территориалистов и т. п. Тут мы хотим указать на такую же аналогичность между хозяйством и государством (институтом управления) касательно индивидуалполитики, т. е. в отноше- нии личности к государству.

Древнее натуральное мелкое хозяйство, по убогости своей, необ- ходимо должно было принимать характер рабства. Если бы раб не был прикрѣплен **юридически**, то фактически был бы свободен: он мог бы смѣло уйти, зажить самостоятельно, обзавестись собственным, конечно, еще болѣе мелким хозяйством, воистину потеряв лишь свои цѣпи. Юридическая свобода уничтожила бы в один миг древнее натуральное хозяйство с его дѣленіем на господ и рабов. Оно бы окончательно раздробилось и стало бы свободным. Крупное капиталистическое же хозяйство, наоборот, имѣя к своим услугам фактическое **экономическое** закрѣпощеніе, отбросило юридическое закрѣпощеніе, как вещь лишнюю и вредную. Юридическое насиліе, при наличности фактической экономической принужденности и закрѣпленности, вредно уж одним тѣм, что заслоняет собою необходимость добровольнаго наемничества и лишает работодателя ореола благодѣтельствованія.

Для нас ясно до очевидности, что то же самое происходит и с государством (с управительной дѣятельностью). Когда государство было мелкое, то услуги, даваемые им, как обезпеченіе и прочія удобства, были очень незначительными. С другой стороны, так как кругом были такія же мелкія единицы, то и угроза была сравнительно слабой, т. е. вѣрнѣе не угроза, а возможность самозащиты, возможность отраженія врага, была нетрудной и выполнимой чуть ли не одной геройской личностью или малочисленным коллективом. При таком политическом положеніи вещей государство необходимо вынуждено опираться на правовое спаиваніе, иначе оно бы раздробилось, сильныя личности, ненуждающіяся в защитѣ разбрелись бы во всѣ четыре стороны. Иначе обстоит дѣло с современным крупным государством, представляя каждому индивиду крупную силу защиты, с одной стороны, и предотвращая от него исполинскія угрозы других государств, могущих вмиг раздавить самую отчаянную и геройскую группу или отдѣльных волелюбцев, оно смѣло может представить всѣм желающим и могущим право выступленія, т. е. об'явить государственное рабство упраздненным. Государство этим уничтожено не будет, оно лишь перейдет в болѣе высшую форму, от рабской формы к договорной. Личность с государством вступает тогда в такія же отношенія, как современный рабочій с капиталистом. **Ты мнѣ плати, а я буду работать**—говорит рабочій. **Ты меня обезпечь, а я буду слушаться**— скажет личность. Тут политика, государство, переходит от рабства к наемничеству, к государственному либерализму. Отбрасывая лишнюю и мѣшающую юридическую закрѣпощенность, государство утверждается.

на его второй болѣе сильной позиціи, на фактической прикрѣпленности личности к нему.

И счастливо будет то государство, которое впервые заведет договорный порядок, упразднит рабство личности, государственное рабство. Это будет служить таким же поворотным пунктом в исторіи цивилизаціи, как момент уничтоженія хозяйственнаго рабства и крѣпостничества. Мы увѣрены, что нѣкоторые из „цивилизованных“ „гуманных“ государств, наконец, додумаются, что другого лучшаго средства борьбы с террористическим анархизмом, нѣтъ. Им станет ясно, что как **бунты** рабов (экономических) были неот'емлемым свойством рабства (экономическаго), так и анархическій террор есть такое же неизбежное и неотвратимое слѣдствіе государственнаго рабства. Не может быть и рѣчи о спокойной мирной, планомѣрной организованной борьбѣ, пока существует рабство, пока нѣтъ свободы. Бывшій диктатор К. бросил крѣпкое слово „взбунтовавшіеся рабы“. Но уж Лассаль указал, что его изслѣдованія всегда совпадают с министерскими словечками, как напр. у него с Бисмарком. И в данном случаѣ это оправдалось. Развѣ что мы такое, и чѣм мы можем быть при современном государственно-рабском строе, если не „бунтующіеся рабы“. Пусть будет уничтожено государственное рабство, и тогда, мы увѣрены, анархисты переставут бунтарствовать; тогда не будет больше бунтующихся личностей, а будут лишь личности, борющіяся против своего угнетенія.

Тогда будет лишь организованная плагомѣрная борьба, борьба свободно объединенных развитых личностей против государства или вѣроятнѣе, одна **соціотехника**.

Но с ростом соціотехники совершенно устраняется момент уличной революціи, т. е. гражданской войны, идеализируемой нынѣ в эпоху соціальнаго классоваго варварства не менѣе, чѣм обыкновенная война в эпоху расово-антропологическаго и психологическаго варварства, нынѣ уже потерявшая свой ореол и клейменная всѣми, как народобійство. Уличная революція замѣнится одной революціонностью соціотехники, примѣненіе, введеніе в жизнь и использование завоеваній которой, предоставляется всякому индивиду или всякой группѣ на его или ея усмотрѣніе.

Соціотехникум должен лишь дать **возможность**, создать образцы и дать инструкторов, специалистов, соціотехников, но не заставить, насиловать. Как нечего заставлять кого-нибудь ѣхать по желѣзной дорогѣ, говорить по телефону, пользоваться электричеством, так нечего будет заставить кого-нибудь или какую-либо группу пользоваться изобрѣтеніями и услугами Соціотехникума.

Во всяком случаѣ, безболѣзненность и отчасти и безкровность послѣдняго из соціальных насильственных переворотов, анархической или пананархической революціи, обусловится, главным образом, количеством наперед произведенных соціалотехнических экспериментов.

(опытов). Она также будет зависеть от степени авторитетности, общепризнанной компетентности **социотехнического института, Социотехникума** в глазах широких масс.

Нѣтъ сомнѣній, что в будущем обществѣ всякіе социальныя вопросы будут рѣшаться чистотехническим путем, социотехническими органами, **Социотехникумами**, но во всяком случаѣ и в нашем обществѣ, еще при государствѣ такому институту предстоит громадное будущее.

Исключая кучку угнетателей, которые злонамѣренно отворачиваются от Истины, Справедливости, общаго и даже своего блага, все общество будет считаться с опытами этого института, признавая его верховным судьей социальных изобрѣтеній, улучшеній, порядков и строев.

Взоры общества, чѣм дальше, тѣм больше, будут обращены к социотехническим институтам, как к маякам спасенія, как к расадникам новой жизни, новой общественности.

Для каждаго будет ясно, что самая высшая инстанція социального строительства это **социотехнический институт — Социотехникум**.

Каждому будет ясно, что чѣм больше опытов, испытаній, тѣм меньше неудач, провалов, преткновеній ожидает социальную революцію; чѣм больше социотехники, тѣм меньше крови; чѣм шире и основательнѣе проложен будет путь строительства, тѣм меньше препон и волчьих ям окажется на нем.

Важность социотехническаго момента, вообще, и социотехническаго института, в особенности, так велика, что нам придется посвятить этому особую работу. (См. „Социомагія и Социотехника“).

Тут мы хотим лишь еще отмѣтить, что в данный исключительный **небывалый исторический момент** вся Россія являет собою один грандіозный социотехнический институт, в котором, к сожалѣнію магія преобладает над техникой.

Будущее многих поколѣній на вѣсах. Куется судьба угнетенных. Рушатся устои вѣковыя. Культура вѣков — мимолетные, мелькающіе миги, миги настоящаго — вѣчности.

Уж давно не было такого момента творческаго, социотехническаго, в исторіи человечества. Уж давно человек не был так трагичен, величествен, счастлив в своем несчастіи. В крови и корчах строится будущее, выстраданное кровью,

Было бы раньше побольше технических опытов строительства, поменьше бы стоило жертв. — поменьше недоразумѣній, поменьше недоверія со стороны общества.

Но мировая бойня создала разруху, голод, создала чрезвычайныя условия, дѣлала **возможным невозможное**, превратила саму жизнь в страшный ужасный жуткій эксперимент. Обезцѣнивая жизнь и благосостояніе, летя от одной катастрофы к другой, преподнося нам ежечасно новыя сюрпризы разореній и осложненій во всѣх областях жизни, мировая бойня вынесла социотехническую лабораторію на улицу,

отстраняя социальный эксперимент (при искусственно создаваемых условиях) и ставя вмѣсто него социальную попытку (в естественных условиях).

Важнѣйшая культурная задача момента это искорененіе предвзсудка социальной Природы, социальной желѣзной необходимости, подчиненія существующим порядкам. Нужно провести в массы сознание, что нѣтъ никакой границы, никакого предѣла социальному строительству, о котором можно было сказать: сіе не перейдеши. Всѣ разсужденія о каком то буржуазном или другом строе, который яко бы нельзя сразу и сію минуту уничтожить, замѣняя его другим, суть лишь выдумки лживой науки, занимающейся запугиваніем угнетенных. Всѣ эти вѣчныя социальные законы суть обман и шарлатанство.

Лгала религія, лжет наука, истинна одна техника.

Все возможно, техника всемогуща! Все можно перестроить, пересоздать — было бы лишь техническое умѣніе.

Все можно взять — лишь бы было силы и нравственнаго права.

Было бы это сознание у рабочих, они бы не удовлетворились контролями, и лжекоммунизмом.

Было бы это сознание у рабочих, они бы не играли в резолюціи и парламентаризм, но и не марали себя и не обманывали себя диктатурами, совнарками и чрезвычайками.

Было бы сознание у рабочих, они бы не играли по-дѣтски в власть, в комиссаріатство, в пустой декретизм, в траги-комедію „коммунистическаго государства“.

Было бы сознание у угнетенных — и совнаркомы, комиссаріаты, государства лопнули бы как мыльные пузыри, — их мѣсто заняли бы **Социотехникумы**. Пробудится, наконец, сознание у угнетенных, и они поймут, что государство это не только зло — угнетеніе, но и призрак, угнетающій призрак, кошмар, что государство это — социомагія: лишь ея зло реально, ея тюрьмы и разстрѣлы дѣйствительны, но ея добро, благо и польза призрачны, лживы, миеичны.

Пробудится сознание у угнетенных и они поймут, что парламенты, совѣты, резолюціи и декреты это общественное колдовство, дающее лишь нищету, разореніе, голод и разруху. Государство, парламенты-совѣты могут дать лишь смерть, наказанія, тюрьмы, но не свободы, не воли, и не хлѣба. Парламенты-совѣты не могут дать ничего кромѣ пуль голодным, ибо они говорильни, храмины пусто словія, знахарства.

Нужно дѣло, труд, дѣйство, разрушительное и созидательное, — нужна социотехника.

Было бы сознание у рабочих и у крестьян, они бы устроили Пананархію, забрав всѣ земли, всѣ фабрики, всѣ богатства, и творя вольность.

Было бы это сознание у угнетенных — и давно уже не было бы угнетенія на землѣ.

Провести это **соціотехническое** сознание в массы, приучать народ смотреть на общество как на предмет, подлежащий произвольной искусственной и вольной безгосударственной, не принудительной чисто-технической обработкѣ—и есть задача культурной революціи, которая должна идти **сзади** соціальной революціи, подталкивая и укрѣпляя ее, **наряду** с нею помогая, поддерживая и поощряя ее, и **впереди** нея, подготавливая ее и обеспечивая ей успѣх.

В **соціотехническом** отношеніи к обществу и кроется сознание могущества человѣка, гордость и неподчиненность **внѣшней слѣпой безсмысленной** стихіи: оно и есть рост объективности, рост сознательности, рост неустрашимости человѣка; оно и есть освобожденіе от **предразсудка**, от первобытно-фетишистскаго страха, и от вѣры в магію парламентаризма-совѣтизма.

Но этот фетишистскій страх, трусость, живет, в первую очередь, в принудительном строе, в государствѣ. Соціомагія свила себѣ в нем прочное гнѣздо.

Мы таким образом опять вернулись к главному ужасу нашей общественности—к государственности.

Общество должно строиться технически!

Государство должно быть замѣнено Соціотехникумом!

Угнетеніе должно быть уничтожено!

Обман парламентаризма-совѣтизма должен быть разоблачен!

Магія законов-декретов, магія письма, как магія слова, магія депутатских рѣчей, должна быть упразднена!

Говорильни и канцеляріи должны быть распущены!

Словоблудію и письмоблудію должен быть положен предѣл!

Глупости и обману, варварству и произволу государственности должен быть конец!

Вот что должно стать нашим ежедневным кличем.

Страшно и невыносимо жить умной и развитой личности в этом государственном шантажѣ и государственном рабствѣ.

Наш рабовладѣлец-государство располагает нашей жизнью, имуществом и свободой, по его усмотрѣнію, произволу и капризу, облакаемому иногда в видѣ „закона“, а иногда и этого нѣтъ. Мы не имѣем права перейти к другому рабовладѣльцу без его на то согласія. У нас нѣтъ ни свободы договора, у нас нѣтъ **права забастовки** (по отношенію к государству), мы должны служить ему вѣчно, с рожденія до гробовой доски, мы должны непрекословно слушаться, если нѣтъ—то тюрьма, каторга, разстрѣд, висѣлица и т. д. Словом мы рабы.

И при этой мысли какой то кошмар окутывает нас, неизреченное отчаяніе омрачает наше сознание. Какая бездна одичанія смотрит на нас! гдѣ мы? не среди ли людоѣдов, не нагими ли мы гуляем с большим куском человѣческаго мяса во рту и с какой то человѣческой окровавленной головой на копѣѣ!

Жутко.

Но прочь уныніе! Человѣчество одолѣет, наконец, и государственное рабство, и школьное рабство, и семейное рабство, и проч., как уж одолѣло хозяйственное рабство. Хозяйственное рабство освящалось и покровительствовалось **религиозным язычеством**, современные виды рабства поддерживаются, главным образом, **научным язычеством**.

Но вот давайте повергнем в прах всѣ эти идолы и кумиры науки: **Неприкосновенность Соціальной Природы**, **Естественный процесс**, **Эволюцію-Революцію**, и **Отечество**, **Государство**, и проч. и проч., и тогда воцарится один **соціотехнической и пантехнической, міропреобразовательный и обществосоздательный геній на землѣ**.

Хлѣб, Воля, Правда, Красота и Умность всѣм!

Вѣчная жизнь и вѣчное счастье всѣм!

Ко всѣм товарищам анархистам!

К вам, товарищам, без различія направленія, обращается наше слово.

Вам, товарищам, уже стоящим у живого источника анархизма, еще болѣе чѣм другим, нужна наша живая ключевая вода, очищенная и профильтрованная от буржуазной мути, не только жизни, но и мысли и науки.

Алкающіе и жаждущіе, блуждающіе по пустынь буржуазной культуры, придите и оживите вашу душу.

Товарищи! вот вам слово, чистое от буржуазной лжи, обмана и предразсудка, чистое от буржуазной науки.

Товарищи! долго вы томились в плѣну у буржуазной мысли, буржуазной науки, буржуазной культуры. Сколько вы не старались выплюнуть ее, эту буржуазную мысль-науку-культуру, она осталась в вас, заставляя вас дышать ея отравленными газами, ибо она была вашими легкими, а выплюнуть ее значило для вас духовно умереть—значило выплюнуть человѣческую мысль, сказать мозгу-уму: остановись! перестань работать, ибо ты буржуазно настроен.

Но вот пришла философія анархизма и освободила вас от духовнаго рабства у буржуазіи, освободила вас из буржуазнаго духовнаго плѣненія.

Вот пришло к вам слово Угнетенных, свободное от всѣх примѣсей,—пришел к вам чистый анархизм (чистый и от буржуазной культуры), это пананархизм (всеанархизм), означающій анархизм и в культурѣ. Анархія не только в политической жизни, но и во всѣх других отраслях, углах и закоулках, да и не только в обществѣ, но и во вселенной; вселенческой анархизм—Пананархія—всеанархія, вездѣ анархія и сейчас-анархія. Пришла к вам, наконец, и Анархія Духа.

Этот пананархизм расширен, слѣдовательно, и в соціальном отношеніи; он призывает к совмѣстной самозащитѣ, к совмѣстной борьбѣ, к совмѣстному освобожденію пять угнетенных коллективов со-

временного общества: Работника, Женщину, Угнетенную Национальность, Учащуюся Молодежь и Развитую Личность. Он свѣточ, он труба, он барабан, он бьет тревогу, он трубит призыв:

Настал великій час об'единенія, борьбы и побѣды всѣх Угнетенных.

Освобожденіе Угнетенных—дѣло самих Угнетенных.

Товарищи! вы видите мы пришли не убавить, а прибавить.

Товарищи! не убойтесь новаго слова, не страшитесь новизны. Стыдно анархисту быть мѣщанином мысли, трусом духа. Наши ряды никогда не знали трусов. Не цѣпляйтесь за старый уходящій буржуазный мѣр; не цѣпляйтесь за старую буржуазную культуру, ибо она заманит вас, завлечет вас в старый буржуазный угнетательскій мѣр.

Вы не трусите перед браунингом и бомбой, так не трусите же и перед буквой, перед волхвами буржуазной науки.

Не убойтесь новаго слова, исходящаго из собственного вашего сердца, из собственного вашего ума, из собственной вашей души. Вѣдь пананархизм, в сущности, всегда, еще до вашего знакомства с ним, был взлелѣянной мечтою всякаго из вас, ваше сердце всегда тосковало по нем, ваша мысль всегда горѣла священным желаніем высвободиться из тисков буржуазной науки, раскрѣпоститься от всего буржуазнаго, от всего угнетательскаго—а вот эта ваша мечта облеклась плотью и кровью, предстала пред вами во всем блескѣ человѣческаго остроумія, во всей плѣнительности и убѣдительности своих доводов, во всей заманчивости своих широких и вольных горизонтов. Не чуждайтесь же ея, не чуждайтесь „самого себя“, собственных пожеланій, не поворачивайтесь спиною к предмету вашего вождѣленія и томленія.

Товарищи! ваша же душа искони взмалывалась к вам: „давайте, отряхнем прах буржуазнаго мѣра с себя!“ и внемля этому внутреннему голосу, вы частехонько между собою поговаривали:

Давайте, братья, отряхнем буржуазный мѣр с наших ног и душ!

Но, дорогіе товарищи, вам до сих пор удалось отряхнуть его лишь с ваших ног, а не с ваших душ, ибо он, окаянный и лукавый, гнѣздился в глубинѣ, на днѣ вашей души. Он преспокойно почивал там, мефистофельски издѣваясь над вашим безсиліем. Отворачиваясь от буржуазнаго мѣра, как от чумы, он жил-был внутри вас, хозяйничал в вашей душѣ, в вашем умѣ, в ваших мыслях—это наука.

И вы, воспитанные на ней, на этой лживой, обманной и разбойничьей наукѣ, разбойничьей культурѣ, воспитывали на ней и ваших дѣтей; вы и народныя массы воспитывали на ней в ваших рѣчах, статьях, лекціях, брошюрах, книжках и книгах.

Но вот давайте провозгласим:

Буржуазная культура—религія и наука—не наша культура, не культура Угнетенных, не культура трудящихся.

Культура Угнетенных это не вымысел религіи [и науки, не измышленіе надчувственных міров, а пересозданіе реальнаго, чувственнаго мѣра. Культура Угнетенных это не фабрикація духов, чертей, молекул и эѳиров, вѣчных законов, естественных процессов и социальных природ, а перекраиваніе, перестраиваніе мѣра и общества.

Культурой трудящихся всегда был и будет труд, а потому наша культура, истинная, не обманная, это труд—техника, пантехника (все-техника). Рабочія массы, трудящіеся дали мѣру величайших геніев техники, Стефенсона, Уатта и др., но ни одного волхва религіи, ни одного кудесника науки. Трудящіеся ничего общаго не имѣют с лѣнтяйскою религіей и праздношатайскою наукою.

Нам не нужны сверхчувственные міры религіи и науки, нам не нужно царствія небеснаго, не нужно царства будущаго, а Хлѣб, Воля и Правда на землѣ и в настоящем.

Ложь религія, ложь наука, правда одна техника, истинна она лишь одна, она чувственная, она мускульная.

Откроем же, наконец, глаза, чтоб видѣть истину, прозрѣем же, наконец, чтоб увидѣть нашу наготу и срамоту: мы нагіе европейскіе дикари; „новыя платья“, отвлеченно-тонкія, спитыя для нас научными шарлатанами,—миг, паутина! Разсѣем же туман лжи, которым окутали нас попы, ксендзы и брамины, академики, ученые и профессора.

Давайте, не послушаемся религіозных попов, не послушаемся и научных попов.

Бросим боги, черти, кресты и иконы, бросим природы, естества, молекулы, атомы, эѳиры, матеріи, энергіи, причинности и эволюціи, бросим законы природы и законы государства—и будем творить Пананархію, Безцарствіе земное, Безцарствіе настоящаго.

Апостолы истинаго анархизма! идите в народныя массы и спасайте их от суевѣрія религіи-науки—их еще можно легко спасти, ибо они еще „некультурны“, значит не попали в сѣти науки.

Идите. Нѣт, неситесь, как на крыльях вѣтра, ибо дорога каждая секунда. Услышьте вопль душ погибших наших братьев, залугавшихся в тенетах буржуазной лжи, науки и навсегда пропавших для нашего святаго дѣла освобожденія человѣчества. Многіе, почти весь рабочий класс, в „культурных“ странах, в особенности в Англійи и даже Германіи, уж, быть может, навсегда потеряны для прогресса, для дѣла освобожденія угнетенных—им не высвободиться из кровавых когтей научнаго невѣжества. Буржуазія „просвѣтила“ их, т. е. привила им вѣру и незбылимые вѣчные законы исторіи, общества, в неприкосновенность Соціальной Природы, в непосягаемость капиталистическаго строя, в невозможность сразу и одним рѣшительным актом перестроить все хозяйство на коммунистических началах, внушили им суевѣріе эволюціи (развитія), в видѣ спенсеризма (трѣд-юніонизма), однѣ реформы—или в видѣ марксизма—реформы с ожиданіем мессіи царства будущаго.

Спасайте же остальных, спасайте малосознательныя рабочія массы, не зараженныя еще буржуазной наукой, незнакомыя еще с ея представителем на пролетарской улицѣ—Карлом Марксом.

Идите, будите сознание угнетенных, еще не дошедших до сознания своей угнетенности.

Будите сознание личности, угнетенной національности, учащейся молодежи, женщины, и предупреждайте от заразы наукой Работника, рабочія массы.

Идите, сбйте ересь, безвѣріе, безнауціе, безвластіе, безугнетеніе, безначаліе кругом вас. Пусть взлетят на воздух буржуазныя научныя чертоги динамитом вашего слова, вашей мысли, вашего всеотрицанія, пусть гибнут буржуазныя боги кумиры, т. е. Природы, пусть поруганными и повергнутыми в прах валяются у ног ваших буржуазныя научныя Перуны.

Вытравьте из народной дупки, из низов, из среды угнетенных, религію и науку; очистите поле новой народной жизни от сорной травы религіи, не давайте забраться туда крапивѣ науки, а засѣйте ее розами Анархіи, лиліями Соціотехники.

Провозглашайте ложность религіи и науки и истинность одной техники, провозглашайте возможность и необходимость общестроительства, соціальной техники, Соціотехники.

Говорите угнетенным: лгут попы, лгут профессора, не ждите мессіи Христа, Будды, не ждите эволюціи (развитія) и царства будущаго—в любое прекрасное утро вы можете зажечь ваше солнце, солнце угнетенных, солнце, для всѣх; в любой момент, когда хватит сил, вы можете вырвать с корнем старый мір—вырвать так, чтоб и его мѣста не узнать!—и насадить новый; в любой миг вы можете видѣть вашими собственными глазами, здѣсь на землѣ, и в настоящем, ваше собственное счастье, счастье всѣх.

Ломайте жизнь! смѣлѣй, смѣлѣй! живѣй, ударьте! рубите так, чтоб щепки летѣли! замахнитесь топором во всю ширь, во всю удачу, во всю жажду всеразрушенія.

Стругайте, пилите так, чтоб опилки затемнили золотой свѣтъ буржуазнаго дня.

Рубите, пилите, стругайте—и стройте новую жизнь, новую землю, новыя небеса, но не завтра, а сегодня.

Сбйте всеразрушеніе и пожинайте всесозданіе!

Будьте разрушителями и строителями, будьте техниками жизни, Соціотехниками!

Ко всѣм угнетенным!

Освобожденіе угнетенных—дѣло самих угнетенных.

Угнетенные, к вам взывает ваш собственный голос.

К вам взывает ваше вѣковое горе, ваша вѣковая нужда, ваши вѣковыя муки, ваше вѣковое угнетеніе.

К вам взывает ваша исторія, исторія крови и слез.

К вам взывает прошлое. К вам взывают окровавленныя спины рабов, вздохи засѣченных мужиков.

К вам взывает настоящее. К вам взывают убогія хижины, лащужки деревни. К вам взывают подвалы и вышки городов.

К вам взывает безглазая землянка батрака.

К вам взывают изнеможенныя лица рабочих.

К вам взывают блѣдныя губы и восковыя личики дѣтей, окоченныя ручки и ножки.

К вам взывают легкія увядаемых на спичечных фабриках живых, молодых, блѣдных лилій.

К вам взывает Голод.

К вам взывают лохмотья и просвѣчивающееся через них вялое человѣческое тѣло.

К вам взывает Бездомность—безпріютные, грѣющіе свои „лишніе“ члены у расположенных на улицах костров.

К вам взывает работный и безработный голодный люд!

К вам взывает ваша мать, битая, затравленная, замученная, сошедшая, по винѣ половой эксплуатаціи, преждевременно в могилу.

К вам взывает ваша сестра, опозоренная, изнасилованная, высанная и выброшенная.

К вам взывает узница спальни и кухни.

К вам взывает полчеловѣчество, отброшенное от культуры, прибитое, доведенное до тѣлеснаго и духовнаго вырожденія, опутанное и задавленное суевѣріем.

К вам взывает женщина.

К вам взывают заживо похороненные в окопах, обреченные на убой и разбой.

К вам взывают обманутые убійцы, убійцы с дѣтски-невинными душами.

К вам взывают горы трупов, башни черепов, океаны крови.

К вам взывают семь миллионов отрубленных голов, пораженных сердец, вывороченных кишек и семнадцать миллионов отрубленных ног и рук.

К вам зывают истребленные и истребляемые так называемые „малокультурные“, т. е. менше разбойничьи народы.

К вам зывают ограбленные индусы, притѣсненные ирландцы, обезволенная Познань, оголенная Польша, разгромленные евреи, разворенные латыши и проч. и проч.

К вам зывает вопиющее, бездну и небо сверлящее зло: обманутая, одураченная, затравленная и натравленная, угнетенная национальность, посылаемая и идущая на усмирение другой угнетенной национальности; это угнетенные казаки, низведенные на степень слѣплого орудія угнетенія; это „вольные“ казаки, превращенные в рабов цѣлующих розги и цѣпи, в холопов власти, в полицейских.

К вам зывает угнетенная национальность.

К вам зывают заплаканныя дѣти, задавленные ранцами-хранилищами книжной мудрости, запуганныя отмѣтками, блѣдныя и малокровныя от уроков, изнервничавшіяся от выговоров, искалѣченные тѣлом и душой душегубной школой.

К вам зывают искривленные позвоночники и потухшіе глаза, искривленные умы и потухшія сердца.

К вам зывает доведенная экзаменами до самоубійства Молодежь.

К вам зывают узники школ.

К вам зывает живое зеленѣющее Творчество—Молодежь—превращенное в жвачное животное.

К вам зывает жизнь и энергію бьющая ключем Молодость правращенная в дряхлое старчество.

К вам зывают юно-гладкіе лбы, насильнически изборожденные морщинами, юно-гладкія щеки, облѣпленные сѣдиной.

К вам зывают обманутые и одураченные в церковных школах и семинаріях, в университетах и академіях.

К вам зывают всѣ закланные Молоху глупости религіи и невѣжества науки, Молоху воспитанія.

К вам зывает Ребенок и Учащаяся Молодежь.

К вам зывают всѣ изнасилованные законами, постановленіями и распоряженіями.

К вам зывают всѣ судимые и осужденные; всѣ томящіеся в тюрьмах, гнѣющіе на каторгах; всѣ казенные, разстрѣлянные, повѣшеные; всѣ ограбленные государством, чиновниками, разворенные налогами, податями.

К вам зывает мрак карцеров и лязг цѣпей.

К вам зывает проклятіе, разбивающееся о сырую стѣну, сжатый кулак, опущенный на рѣшетку, скрежет зубов, умирающій на сухих губах, коченѣющія руки и ноги голодающих (голодовка).

К вам зывает свобода, распятая тюремщиками—министрами юстиціи, комиссарами и чрезвычайками.

К вам зывает скованный Промотей-Человѣкъ; его грудь, расклеванная хищниками-орлами власти.

К вам зывает Личность.

Угнетенные! к вам зывают пять ваших угнетеній.

К вам зывают и два ваших обмана, обман религіи, обман науки.

К вам зывают пять лжей: ложь космогоніи, ложь бога, ложь природы, ложь законов мышленія и ложь гносеологіи.

Вас угнетают и обманывают, обманывают и угнетают.

Но пусть услышит мір ваше грозное:

Довольно!

Пусть пробьет великій часъ вашего об'единенія, вашего прозрѣнія, вашего освобожденія.

Соединяйтесь—откройте глаза и развяжите руки—и вы свободны!

Угнетенные! уничтожьте тюрьму государства и духовную тюрьму религіи—науки.

Уничтожьте власть кулака и власть Предразсудка, физическую и духовную власть угнетателей над вами!

Уничтожьте пять угнетеній и два обмана!

Уничтожьте пять лжей!

Долой власть, капитал, отечество, рабское воспитаніе и протиточную семью.

Долой религію и науку!

Да здравствует Соціальная Революція.

Да здравствуетъ Культурная Революція!

Создайте Соціотехнику! Творите Анархію!

Моряки!

Дух бушующаго моря пусть живет в вашей груди. Будьте революціонны, как море, вѣчно катящее свои волны. Пусть ваши корабли чалят к новым берегам. **Создайте Соціотехнику! Творите Анархію!**

Солдаты! Красноармейцы!

Вас сдѣлали убійцами—будьте убійцами буржуазнаго и социалистическаго строя. Вы были слѣпым орудіем угнетенія, будьте сознательным вихрем освобожденія. Ваше оружіе творило смерть—пусть оно творит новую жизнь. **Создайте Соціотехнику! Творите Анархію!**

Казаки!

Вольная как ваша пѣсня, была ваша жизнь—вас сдѣлали полицейскими, тюремщиками. Пусть будет проклято государство, превратившее вольных сынов степи в нагаечников свободы. Разите государство мечом вашим. Уничтожьте ваших атаманов, палачей. Возстановите вашу волю—дайте волю другим. **Создайте Соціотехнику! Творите Анархію!**

Заключенные!

Кандалышники, преступники, воры, убийцы, поножовщики, кинжалорызы, проститутки, отщепенцы общества, парии свободы, пасынки морали, отторгнутые всеми! Возстаньте и поднимитесь. На пиру жизни займите первое место. Вы были последними—станьте первыми. Сыны темной ночи, станьте рыцарями светлого дня, дня угнетенных. **Создайте свой Социотехникум! Творите Анархию!**

Жильцы!

Короли углов! как крысы вы ютитесь в норах. Коснѣющіе во мракѣ—выползайте на свѣт! Вот дворцы, залитые солнцем—они ваши! Все для вас! Живите в Анархиі. Вот дома, поселитесь в них. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Обитатели подвалов!

Ваши дѣти чахнут без солнца, без свѣта—берите ваше право на солнце, на свѣт. В роскошные пустующіе залы поселите ваших блѣдных, хилых дѣтей. Да будет вашим кличем: Солнце для всѣх, свѣт для всѣх! **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Бѣдные,

Голодные, оборванные, босые! Кругом вас все, а у вас ничего. Все принадлежит вам, бѣдным! Берите!
Все принадлежит вам, голодным! Насыщайтесь!
Все принадлежит вам, оборванным! Одѣньтесь!
Все принадлежит вам, босым! Обувайтесь!
Создайте Социотехникум! Творите Анархию!

Бездомный, безпріютный сын улицы!

Манят пурпуром каминны, манят теплом и сытостью дома, ласкают ноги ковры, лелѣет ухо пиано.

Для тебя закрыты всѣ ворота, прихлопнуты всѣ двери.

Рѣжут босыя ноги камни, лед, рѣжет ухо лай собак и окрик сторожей.

Нѣжится в шелковых подушках тѣло, твои лахмотья продувает вѣтер. Страсти извиваются под теплыми покрывалами—хладно-мертвы твои уста, сердце—пепел, кулак—песок, безропотно приникаешь ты к стѣнѣ, к углу, дремля стоя.

Невдалекѣ взад и вперед шмыгает проститутка—это твоя дочь, продающая свой молодой огонь хладным старым обитым золотом сердцам.

Глупый несчастный! вот же дом, вот тепло, вот уют. **Войди, поселись въ него!** Пусть блуждают по улицам и лякают зубами владыльцы особняков и дворцов. Пусть продаются их дочери, если они не желают установить лучший порядок на землѣ. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Дворники!

Полно вам быть сторожевыми собаками, оберегателями чужого добра. Бѣдным не нужна охрана. Богатых преступно охранять.

Поймите! от кого же их оберегаете? От бѣдных, от вас самих! Раскройте ворота, пусть придут истинные хозяева, бѣдные, и возьмут свое добро. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Швейцары!

Полно лакейничать, полно пресмыкаться. Стыдно человѣку быть рабом. Взгляните на себя, как вы принижены. Господа вас кормят отбросами от своего стола. Голодными вы лижете ноги ваших хозяев. Ваши дѣти чахнут во мракѣ и сырости под лѣстницей, а в господских хоромах сіяет солнце и радость. Распахните двери! пусть войдут чухляы дѣти в храмы и дворцы, пусть зарумянятся у них блѣдныя щеки, зажгутся потухшіе глаза. Пусть ваши дѣти знают веселье и радость за то, что вы их не знали. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Обитатели тьмы!

Мы зовем вас к свѣту, к солнцу, к равенству.

Всѣ мы равны. У всѣх нас одинаково течет кровь, бьется сердце, дерзает мысль, пламенѣет гнѣв. Творите равенство. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Владыльцы дворцов и особняков! Если не желаете равенства, то поселитесь же вы в подвалы, под лѣстницы, в сырые углы.

А мы идем к свѣту, к солнцу. Творите солнце! **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Рабочіе!

Вы создали богатства, но все для чужих. Наступила пора создавать для себя. Фабрики, заводы, рудники—ваши! Усваивайте, расширяйте и углубляйте ваши техническія умѣнія. Создайте новую техническую культуру. И не будет больше „интеллигенція“ и „массы“. Учитесь жить в Анархиі, жить самостоятельно без интеллигентской касты. живите социотехнически! **Создайте свой Социотехникум! Творите Анархию!**

Потребители!

Вас обирают купцы, спекулянты, мародеры. Уничтожьте деньги и не будет больше мародеров-банкиров. Не бросайте воров в Фонтанку, бросайте туда свои воровскіе бумажники. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Деревня!

Не слушай приказов города, не подчиняйся законам центра. Устраивай Пананархию! Пусть Вольная деревня обмѣнит свои продукты с Вольным городом. Живи в красотѣ и волѣ. Пусть деревня станет городом, а город—деревней. **Создайте Социотехникум! Творите Анархию!**

Город!

Ты таишь в себѣ нищету и мерзость, слабость человѣка, но в тебѣ и могущество, и мощь его—техника. В твоей каменной клѣткѣ заключена Анархиа. В твоей клѣткѣ-наукѣ заключена Пантех-

ника. В твоей клѣткѣ-государствѣ заключена Соціотехника. **Создайте Соціотехникум и Пантехникум! Творите Анархію!**

Львы Анархіи!

Разбейте клѣтки. Разбейте город на районы, пусть каждый район управляется Соціотехникумом. Разбейте районы на улицы, улицы — на дома. Пусть каждый дом управляется Соціотехникумом. Вот вам Путь к Анархіи!

Насадите ширь и вольность полей и благоуханіе цвѣтов красоты в городѣ. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Учащаяся молодежь!

Берите школы в ваши руки! Творите вашу самобытность, проявите вашу волю к творчеству. Будьте самим собою. Самоуправьтесь! В вашей груди пламя всепожирания, в вашем дыханіи — бунт всеразрушения и в вашем умѣ — дух всеотрицанія. Но старики — тираны вас поработили и усмирили. Взгляните! горбы родителей на ваших душах. Уничтожьте предрасудки старших, гоните вон, исключите из школы религію и науку, культуру отцов и создайте вашу культуру, культуру сынов. Вы анархисты сердцем, анархисты тѣлом, анархисты душой. **Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!**

Женщина!

Узница кухни и спальни, освободись! Утверди свое право на культуру. Брось с себя цѣпи воспитанія дѣтей, уничтожь рабство горшков. Уничтожь домашнее хозяйство, уничтожь домашнее воспитаніе. Не будь рабыней у мужчины, не будь и куклой. Ты человек — будь человеком. **Создайте свой Соціотехникум! Творите Анархію!**

Угнетенная Национальность!

Освободись! уничтожь отечество. Раздвинь національныя преграды и да будет весь земной шар твоим отечеством. И нѣтъ больше: моя Россія, твоя Германія, мой Петроград, твой Берлин. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Народы!

Сожигайте исторію вашего варварства, ваших захватов разных земель. Не называйте вашей исторіи „отечественной“, ибо отечество есть грабеж и разбой. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Отверженные, падшіе, презираемые!

Встаньте и разорите то общество, в котором есть „низ“ и „верх“, встаньте — и покажите нам, что вы выше нас, что мы недостойны вашего общенія, недостойны и вашего презрѣнія. Все, что было выше вас, все будет ниже вас. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Рабы парламентов и совѣтов!

Взгляните — вѣдь вы свободны! На вас надѣвают обманом новыя цѣпи — швырните их к чорту! Не слушайте соціальных знахарей, не

подчиняйтесь государству. Творите вашу волю, ваше счастье. **Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!**

Суетыры, одуроченные религіей!

Уничтожьте церкви-темницы вашего духа. Сбросьте кресты шей — душители вашей свободы. Разбейте иконы, лампы — они коптят вам тьму. Повергните в прах кумиры, перуны, идола, боги, дьяволы, всѣх обитателей лживых небес и вопарите человека на истинной землѣ. **Создайте Пантехникум! Творите Анархію Духа!**

Обманутые наукой!

Сбросьте с себя лживыя цѣпи науки. Взорвите чертоги буржуазной мысли. Кровожадным паукам, научным попам, профессорам и ученым — не дайте опутывать вас научной паутиной. Не вѣрьте в буржуазную науку, щедрую на счет будущаго и скупую насчет настоящаго. Не создавайте себѣ лживых отвлеченных небес, живите на реальной землѣ. Не поклоняйтесь новому научному идолу, Природѣ и Эволюціи. Разорите лживую культуру и создайте новую. Разрушите религію и науку и творите технику. Будьте творцами не новаго вымысла, новой лжи, а истинной реальности, новой технической истинно-творческой цивилизаціи. Разрушите и отрицайте, отрицайте и разрушите. Разрушите и создайте, создайте и разрушите. **Создайте Пантехникум! Творите Анархію Духа!**

Невѣжественные!

Уничтожьте ту мерзкую культуру, которая дѣлится на „невѣжд“ и „ученых“. Вас держат во мракѣ, вам выкололи глаза. В вашей темнотѣ, в темнотѣ ночи культуры, вас ограбили. **Создайте Пантехникум! Творите Анархію Духа!**

Народ!

Тебя ограбили жрецы, попы и ученые, ограбили твой здравый смысл, твою незамысловатость, твою простоту, твои чувства. Лжет тебѣ, народ, религія, лжет тебѣ хитрая наука. Тебя дурачат царством небесным, тебя обманывают попы, тебя колпачат царством будущаго, социализмом, тебя обманывают ученые, профессора. Не вѣрь им! они тебя усыпляют и обирают. Они усыпляют тебя ладоню и блеском мишурнаго своего ума. **Создайте Пантехникум! Творите Анархію Духа!**

Человѣки!

Твое счастье не на небѣ, а на землѣ, не в будущем, а в настоящем, в твоих же руках. Твори Анархію во-всю, вездѣ и сейчас.

Раззори церковь, гнѣздо помѣщичьей лжи, раззори университет, гнѣздо буржуазной лжи, раззори партію, гнѣздо социалистической лжи. Гони прочь попов, гони прочь от себя ученых! Гони прочь попов социализма, „теоретиков“!

Раззори лживыя буржуазныя и социалистическія небеса, стащи их перуны, боги и кумиры. Есть один бог, на землѣ, это ты сам Человѣк. Ты, и твоя мощь — это техника. **Создайте Психотехникум! Творите Анархію!**

Несчастный!

Ты можешь быть счастлив, ты должен быть счастлив. **Создайте Психотехнику! Создайте Социотехнику! Творите Анархию Духа!**

К пананархистам.

Революция дошла до точки истощения. Истощились запасы слов, фраз, лозунгов, резолюций. Чувствуется усталость.

Через красное море слов мы пошли по пустынь политическим переворотов: бесплодных скитания по Совѣтам, Централ-Комитетам и Комиссариатам изнурили нас. И вот нас окружают змѣи разочарования, безработицы и голода.

Не пора-ли вступить в обѣтованную землю строительства, вкушать плоды Земли Свободы!

Но гдѣ же она?

Обѣтованная земля не внѣ нас, а внутри нас, не гдѣ-то в дали времен, а в наших руках.

Давайте создадим обѣтованную землю свободы.

Достаточно мы настоялись в очередях. Достаточно мы наговорились на митингах.

Пора дѣло дѣлать.

Давайте осуществим наше право быть сытыми, счастливыми и радостными.

Давайте создадим вольную, красивую, как мечта, жизнь.

Мы имѣем право на счастье.

Мы имѣем право на радость.

Мы имѣем право на сказку.

Но мы не дѣти. Наша сказка—дѣйствительность. Дѣйствительность порою превосходит всякую сказку.

Давайте будем творить сказку—дѣйствительность!

Пусть пошлое мѣщанство своей духовной сытостью и тупостью считает нас то преступниками, то дѣтьми.

Да, мы преступники, мы их убійцы, убійцы их пошлости и убогости, их низости и ничтожности.

Да, мы дѣти. Мы хотим быть новорожденными.

Давайте начнем все с первого дня!

Давайте создадим новую цивилизацию!

Да будем дикарями, создающими новую культуру. Страхнем прах старой культуры, религии и науки с ног наших.

Все, что было до нас, всю пошлость и дикость вѣков, всякое угнетение, предрасудок и обман вышвырнем вон из нас, искореним и кругом нас, как сорную траву.

Сожжем всѣ мосты возврата и застоя за нами. Будем творить жизнь вольную и текучую, как море.

Давайте вернемся к Утопии, к дѣяніям великих апостолов освобождения человечества, к первым предвѣстникам социотехники, к утопистам,

Но нѣтъ! не вернемся; не назад, а вперед! Не вниз, а вверх!

Давайте перешагнем, перекрыльем Утопию реальностью Социотехники.

Пусть блѣднѣет Утопия, гаснет мечта перед всесолнцем нашего Социотехникума! Пусть меркнет Панидеал перед величіем нашей воплощенной дѣйствительности!

Нас долго обманывали лживой наукой. Для обмана нас измыслен дарвинизм, эволюція, научный социализм, марксизм. Нам говорили: нужно ждать да выждать, общество будет развиваться, пока не доразовьется до лучшаго типа.

Так лгал нам Спенсер, так лгал нам Маркс.

Нас держали в потемках. Нам выкололи глаза жрецы религии и жрецы науки. Слѣпыми мы плелись за ними на привязи Социальной науки, запуганными разными невидимыми чучелами: Природа, Закон, Развитие.

Но вот мы прозрѣли и узрѣли при нас, с нами великую благодѣтельнуюницу человечества—Технику.

Мы узрѣли, что мы имѣем право и возможность **творить, создавать, строить, строить и нашу жизнь.**

Мы поняли, наконец, что идеальное общество не спадет с неба, не созрѣет, как яблоко, на лживом древѣ знания науки.

Дом не зрѣет, не развивается, а строится. Лѣс самим собою, эволюционно, посредством „акушерствования естественнаго процесса“ не разовьется в „лавочный ряд“, дерево не разовьется в дом.

Разовьется древо

Вправо, вглубь—вширь, влѣво,

Станет уж само столом,

Разовьется желѣзо в лом!

Разовьются доски

Сразу в кіоски—

Нужно ли ломать, стругать?

Доразвилась—баста?—вот кровать!

Разовьются кедры,

В коромысло, ведра,

И песок в стекло, стакан,

Разовьется кожа в барабан.

(Бр. Гордины. „Красное Знамя и Черное Знамя“, „Буревѣстникъ“, № 42).

И вот мы узнали величайшую истину послѣдняго времени—что существует или может и должна существовать Социальная техника (социотехника).

Она может произвольно строить какія ей угодно общества, ибо и она, Социальная техника, имѣет, как ея сестра, физическая техника, право на изобрѣтеніе.

Мы вправѣ и в силѣ изобрѣтать новые „строи,“ новые уклады жизни, словом, новые типы общества, как мы вправѣ и в силѣ изобрѣтать новые типы автомобилей и аэропланов.

Мы вправѣ строить себѣ новое общество, Коммуну, Анархію или Пананархію и Пантехнію, как мы вправѣ строить себѣ новый дом.

Давайте же строить великолѣпный дворец нашей свободы, нашего счастья.

Наше счастье в наших же руках—это исконный лозунг всѣх анархистов.

Мы выстроим,—а лживая наука уже „объяснит“, создаст оправдательную „теорію“. Раньше эта лживая наука предаст нас анаемѣ, отлучит нас от „научной церкви“, объявит нас варварами, вандалами, утопистами, но потом, когда факт будет на-лицо, постарается примазаться к нам, объявит нас „своими“ и успѣхи наши—„своими“, то есть завоеванія вѣчно-истинной Соціальной техники будут узурпированы лживой Соціальной наукой.

Давайте выстроим ее. Пусть она будет островом спасенія, островом Истины в бѣшенном морѣ научной лжи, островом любви в клочущем морѣ ненависти. Пусть она будет палатой Здравомія в домѣ умалишенных нашей дѣйствительности.

Это утопія—скажете.

Но мы новые утописты, неутописты, техникалистическіе утописты.

Мы выше утопіи. Мы соціотехники.

Мы строители мечты, строители утопіи!

И не будет больше пренебрежительной клички „утопист“. И да замѣнится она позорным клеймом: „соціомаг“, „научник“, „теоретик“!

Утопія это план, проект соціального изобрѣтенія.

Честь и слава великим Соціальным изобрѣтателям, утопистам.

Позор и срам срамителям Утопіи, Энгельсу и Марксу, волхвам научнаго соціалистическаго чернокнижія.

Давайте низвергнем кумиры соціальной науки и возвысим рог Соціальной Техники.

Давайте низвергнем в прах глупости и предрасудка чернокнижников соціализма и возстановим поруганную честь утопизма.

Давайте создадим Утопію.

Давайте воздвигнем величественный замок Утопіи на восторг Будущаго, укор Прошлому и вызов Настоящему.

Давайте создадим Пананархію.

Но для реальнаго созданія Утопіи, Панархіи-Пантехніи требуется спеціализація, подготовка, усвоеніе и усовершенствованіе в Соціотехникѣ и Техникѣ-Пантехникѣ, вообще.

И потому давайте создадим Соціотехникум, Институт и школы соціотехники.

Спасем, наконец, себя, спасем Угнетенных, Человѣчество, от ужасов войн и революцій, от голода, разрухи и эпидемій. Давайте создадим Соціотехникум! Создайте Соціотехникум! Творите Анархію!

На складъ Московской Федерациі Анархических групп

и издат. „Ассоціація Пананархистов“ (Союз Пяти Угнетенных).

Бр. Гордины.	ИМЪЕТСЯ:	ЦѢНА.
	Бѣседы с анархист. филос.	2 р. 50 к.
	Долой анархію.	— р. 25 к.
	Рѣчи анархиста.	2 р. 50 к.
	Педагогика молодежи.	10 р. — к.
	Соціоматія соціотехника или обществознахарство и общестроительство	10 р. — к.
	Почему или как муж. попал в сторону Анарх.	— р. 60 к.
П. Кропоткин.		
	Хлѣб и воля.	2 р. 75 к.
	Рѣчи бунтовщика	2 р. 50 к.
	Анархія ея филос. ея идеал	— р. 60 к.
	Государство и его роль в исторіи.	— р. 60 к.
	Нравственныя начала анархизма	— р. 70 к.
	Довольство для всѣх.	— р. 20 к.
	Наши богатства	— р. 25 к.
	Политическія права.	— р. 10 к.
	Новый интернаціонал.	— р. 10 к.
	Открытое письмо к западной европ. раб.	— р. 15 к.
Элизе Реклю.		
	Анархія	— р. 20 к.
	Эволюц. Революція и идеал анархизма	1 р. — к.
	Моему бр. крестьянину.	— р. 20 к.
Боровой.		
	Либерализм соціал. анархизм.	— р. 50 к.
	Революціонное творч. и парламент	— р. 90 к.
Макс Штирнер.		
	Единственный и его собственность	10 р. — к.
Атабекъян.		
	Против власти.	2 р. 75 к.
	Старое и новое в анархизмѣ	— р. 40 к.
	Анархизм и право захвата	— р. 20 к.
	Соціальныя задачи дом. комитетов	— р. 50 к.
	Основы земской финансовой организаціи	— р. 30 к.
	Перелом в анархическом ученіи.	— р. 20 к.
	Вопросы теоріи практики.	— р. 25 к.
	Возможна-ли анархическая соціальная револ.	— р. 15 к.
Малатеста.		
	Крестьянскія рѣчи.	— р. 60 к.
	и др. и др.	

Москва. Тверская, Настасьинскій пер., д. 1. Склад М. Ф. А. Г.

Цѣна 2 р. 50 к.